

БИБЛИОТЕКА «ПРАВДЫ»
VI

НАЙДЕННЫЙ СКАРБЪ

— И —

ПРОПАВШІЙ СЫНЪ

ИЗЪ ЖИТІЯ РУССКОГО НАРОДА НА ПОКУТЬЮ

— НАПИСАЛЪ —

ВАСИЛІЙ Н. ПЕЦЕЙЧУКЪ.

— 00 —

— Цѣна 25 центовъ —

— 00 —

1928.

ТИПОГРАФІЯ "ПРАВДЫ"

1732 Brandywine Street

Philadelphia, Pa.

НАЙДЕННЫЙ СКАРБЪ

— И —

ПРОПАВШІЙ СЫНЪ

— ПОВѢСТИ —

ИЗЪ ЖИТІЯ РУССКОГО НАРОДА НА ПОКУТІЮ

— НАПИСАЛЪ —

ВАСИЛІЙ Н. ПЕЦЕИЧУКЪ

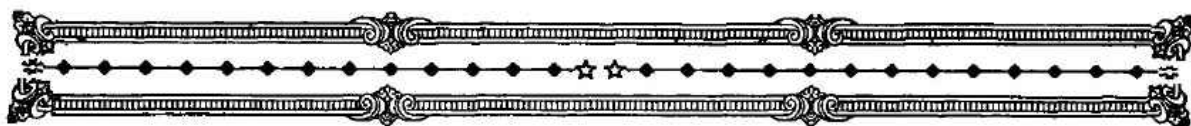
— Цѣна 25 центовъ —

1928.

ТИПОГРАФІЯ "ПРАВДЫ" 1732 Brandywine St., Philadelphia, Pa.

ВАСИЛІЙ Н. ПЕЦЕЙЧУКЪ

В. Н. ПЕЦЕЙЧУКЪ.

НАЙДЕННЫЙ СКАРБЪ

Дѣялось то въ роцѣ 1870, коли на Буковинѣ шатѣлъ чорный тифъ, забираючи съ собою на другій свѣтъ цѣлы села нашего Подгорья. Не минулъ тотъ страшный воровъ людского житья и села Баганки. Якъ завиталъ онъ въ село, то майже цѣла Баганка вымерла. На самомъ сбочу горъ стояла тамъ одна хатчина, отдалена и отдѣлена лѣсомъ отъ села. Въ той хатинѣ жилъ Жихаиль Грабъ съ женой Агафіей. Были то люди убоги и скромны. Онъ рубалъ дрова и зимою возилъ санчатами до мѣсточка Вышницы, а Агафія пряла волну на сѣраки. Такъ тяжкимъ, но честнымъ трудомъ робили они на кавалокъ хлѣба для себе и для дѣточекъ, которыхъ мали трое: двухъ хлопчиковъ и одну дѣвчинку.

Дѣти были еще малы, бо найстаршому хлопцеву Ивасеву минуло доперва шесть лѣтъ, молодшему Николѣ было четыре роки, а наймолодша дѣвчина Олена мала два роки. Михайлъ Грабъ, хотя тяжко приходилось ему робити и годувати дѣтей, но онъ такъ любилъ ихъ, що ни за що въ свѣтѣ не розстался бы съ ними. Одинъ богатый господарь Петро Наливайко хотѣлъ, щобы Михайло далъ ему одного хлопця, которого хотѣлъ усыновити и сдѣлати своимъ паслѣдникомъ, такъ якъ самъ онъ былъ бездѣтнымъ, а малъ господарство на цѣле село, и при томъ былъ честнымъ и працювитымъ человекомъ, — но Михайло не позволилъ ани говорити собѣ о томъ.

Коли селомъ перейшолъ тотъ непрошенный страшный гость — тифъ, то много осталось сиротъ безъ тата и мамы. Петро Наливайко не хоровалъ и остался живымъ. Онъ ходилъ по селѣ и собиралъ дѣтей, которы не мали ніякой помощи. Скоро усипилась пошесть, то у Петра Наливайка осталось въ хатѣ одиннадцатеро дѣтей, которы не мали до кого притулитися. Но тутъ было богатство, и дѣти ховалися безъ труда.

Но не такъ оно было у Михаила Граба, который до своихъ троихъ дѣтей еще собѣ взялъ трое сиротъ и то такихъ маленькихъ, що Агафія не могла уже прясти, бо мусѣла доглядати дѣтей. Теперъ працювалъ Михайло надъ силы, бо треба было утримати фамилію изъ осмьмерыхъ душъ. Такъ пробѣдилъ Михайло два роки.

Одного разу — было то въ осени передъ ся. Михайломъ — пойшолъ нашъ бѣдный Михайло до лѣса, щобы нарубати дровъ, тай щобы отвезти до

мѣста и уторговати грошей, якъ то звычайно робилъ онъ каждого року на свои именины. Каждого року на свои именины нанимал. Михайло службу Богу, а по службѣ робилъ въ хатѣ принятіе для своей близкой родины и знакомыхъ. Такъ хотѣлъ зробити Михайло и того року.

Коли онъ прійшоу до лѣса, почалъ рубати дерево и рубалъ до полудня. Коли на обѣдъ сѣдалъ, узрѣлъ напередъ себе тѣнь, котора перешла ему передъ очами и счезла. Хотя Михайло былъ человекъ нестрашко, но все-таки пошло морозъ по его тѣлѣ. Перекрестился нашъ Михайло и самъ до себе сказалъ: «Що за мара, еще такъ менѣ не трафлялось въ житію!»

Пообѣдавши, всталъ Михайло до работы и робилъ до вечера. Коли солнышко зайшло, Михайло перекрестился и подяковалъ Богу за день, що мирно переробилъ, и пошло до дому. По дорогѣ почувъ Михайло, що его голова болитъ. Дома розказалъ женѣ, що въ часъ обѣда видѣлъ въ лѣсѣ, поцѣловалъ дѣтей, якъ звычайно робилъ всегда, и лягъ на постель, чтобы отночати.

Агафія за тотъ часъ, якъ Михайло былъ въ лѣсѣ, помыла и почесала дѣтей, бо то была суббота, а потомъ стала варити вечерю. Зваривши вечерю, она стала кликати Михайла, но Михайло слабымъ голосомъ сказалъ, що онъ ѣсти не хоче. То дуже удивило Агафію, и она подошла къ постели, чтобы сблизка переконатися, чому Михайло не хоче ѣсти. Коли подошла къ постели и обняла Михайла, чтобы спытатися его, то ажъ ся злякала, бо Михайло былъ горячій, якъ огонь, и только слабымъ голосомъ отвѣтилъ Агафіи, що онъ хорый и ужасно болитъ у него голова.

Зарыдала бѣдна жена, а на ея плачъ позбѣгалися, дѣти и почали всѣ плакати, и не спали цѣлу ночь.

Михайлу дѣлалось все горше и горше. На другій день онъ не памяталъ вже, що говоритъ. Коли прійшоу докторъ и оглянулъ Михайла, то сказалъ, що Михайло досталъ запаленъе въ лѣвомъ боцѣ, и ратунку нема. По отходѣ доктора призвала Агафія священника, который подалъ хорому святы тайны, и на рукахъ жены отдалъ Богу духа Михайло.

Зарыдала бѣдна вдова, а коло ней и шестеро дѣтей, що стратили кормильца и тата. Но треба было думати о похоронѣ, а, не о своемъ горѣ. По похоронѣ зажурилась тяжко Агафія, якъ ей съ дѣтьми прожити. Наконецъ взялась она сама до той работы, що ея человекъ робилъ: рубати дрова и возити до мѣста.

И робила такъ Агафія до марта мѣсяца и годовала свои и чужіи дѣти, якъ могла, бо все говорила, що всѣ сироты, и треба имъ помочи.

Одного дня было дуже бурливо на дворѣ. Вѣялъ холодный вѣтеръ и

падалъ маленькій снѣгъ. Агафія встала рано, наварила дѣтямъ ѣсти, а сама — въ лѣсѣ рубати дрова. За работой пригадала собѣ, якъ то ея человекъ въ томъ лѣсѣ тяжело всю жизнь працювалъ И ее лишилъ, щобы и она тутъ такъ тяжело працювала. Заплакала съ того Агафія и сдѣлалось ей такъ жаль, що ани не могла стояти на ногахъ, и сѣла на дерево, которе только що утяла. Тутъ наразъ подулъ страшно вѣтеръ и сломилъ недалеко отъ Агафіи дерево, которымъ кинулъ на бѣдну вдову и убилъ ее на мѣстцѣ.

Въ лѣсѣ не было никого тогда, такъ що дѣти не знали, що сталося съ мамою, коли она вечеромъ не повернула до дому. На другій день побережникъ найшолъ Агафію приваленну деревомъ и далъ знати до села, що Агафія Грабъ забита въ лѣсѣ деревомъ, которе буря трутила на нее.

Коли привезли Агафію до дому и внесли до хаты, то дѣти кинулись съ крикомъ и плачемъ до матери, но мама не промовила уже больше до нихъ, бо ея сердце было холодне.

Похоронили Агафію, и люде почали радити, що робити имъ съ малыми дѣтьми, що остались круглыми сиротами. Тогда одна господиня Параня Лоза отозвалась, що она возьме двое дѣтей до себе. За ней пригласишь и други, и такъ по одному и по двое розобрали люде вѣхъ дѣтей.

Найстаршого хлопця Ивана взялъ до себе Дмитро Бѣлый, чоловѣкъ богатый, но лукавый и злой. Коли онъ Ивася бралъ до себе, то хлопчикови было уже на десятый рокъ. Не обходился онъ съ нимъ добре, и билъ при каждомъ случаѣ.

У того Дмитра Бѣлого былъ сынъ Никола, который малъ уже двадцать лѣтъ. Тотъ Никола дуже любилъ Ивася и неразъ боронилъ его передъ татомъ. Коли была вольна хвиля, то Никола училъ Ивася читати и писати. Ивасъ малъ велику охоту до книжки, и скоро научился читати и писати. Однако не долго было того пріятельства, бо Николая покликани до войска, а Ивасъ лишился самъ. Тогда уже не было никого, кто бы сталъ въ его оборонѣ, а Дмитро гонилъ бѣдного сироту гей невольника.

Все то терпѣлъ Ивасъ, хотя часомъ горько заплаче на свою долю. Но одного разу выйшла худоба Дмитрова изъ загороды и полѣзла на овесь. Коли то узрѣлъ Ивасъ, побѣгъ, щобы загнати худобу, но на тотъ часъ прибѣгъ и Дмитро, загналъ худобу, а потомъ запалъ Ивася и сильно побилъ его, хотя хлопчикъ не былъ тутъ виноватъ, бо самъ Дмитро не заперъ ворота. Ивасъ досталъ задармо. Всталъ онъ на ноги, обтеръ кровь съ носа и тяжело заплакалъ. Тутъ же и постановилъ лишити своего господаря. Ночью, коли всѣ спали, Ивасъ собралъ свою одежду и пойшолъ черезъ лѣсъ на друге село.

Надъ ранкомъ Ивасъ добрался до другого села и сѣлъ при дорозѣ, щобы отдохнути. Въ то время дорогою надѣхала фѣра, и Ивасъ увидѣлъ, що то ѣде господаръ изъ третьего села, которого онъ зналъ, бо видѣлъ его пару разъ у

своего господаря Дмитра Бѣлого. Назывался онъ Николай Чурій и былъ богатымъ, но честнымъ господаремъ.

— Не могли бы вы взяти мене на фѣру и подвезти? — попросилъ Ивась.

— Полезай! — согласился охотно господарь. — А куда же ты пустился въ таку дорогу?

Ивась вылѣзъ на фѣру и розказалъ Миколѣ Чурому всю свою пригоду.

— Чуешь, Ивасю, — отозвался господарь: — ты камѣнный хлопецъ, коли ты могъ пробыти у Дмитра Бѣлого пять лѣтъ. А теперь, якъ хочешь, можешь остатися у мене, бо менѣ и такъ треба хлопця до овецъ на полонины.

Ивась, якъ учуль, що може достатися на полонину, дуже радо согласился вступити на службу въ тому господарю. Ивась чуль про полонины, про медвѣди и волки, якіи водятся на полонинахъ, и хотѣль бы своими очами все то увидѣти.

Пріѣхали до хаты, пообѣдали, и господарь говоритъ Ивасю: «Днесъ можешь зайти до пасѣки и отдохнути, а завтра идемо на полонину».

Въ хлопця вступило нове житѣе. Онъ былъ такъ счастливый, що и думки не было у него иншой, якъ лишь о полонинахъ, о трембитахъ. Вернувшись въ хату, онъ зайшолъ въ комнату, где тотъ господарь малъ книжки. Тутъ попался ему въ руки спѣванникъ. Ивась почалъ переглядати его и такъ попалась ему на очи пѣсня «Верховино, свѣту ты нашъ, гей якъ у тебе такъ мило». Та пѣсня такъ сподобалась ему, що онъ сталъ читати ее на голось. Въ той хвилѣ въ комнату вопшолъ самъ господарь: — А ты где научился читати? — спросилъ онъ удивленно.

— У Дмитра Бѣлого, отъ его сына Николая.

— Якъ такъ, то ты возьми собѣ пару кннжокъ на полонины, вотъ хотъ бы и тотъ спѣванникъ. На полонинахъ дуже добре тому, кто знае читати : овцы пасутся, а ты собѣ читай и спѣвай.

— А якъ спѣвается та пѣсня ? — спросилъ Ивась цѣкаво, показуючи пальцемъ на раскрыту страницу спѣванника.

Господарь усмехнулся и затягъ: «Верховино, свѣтку ты нашъ ...»

Ивась слухалъ съ восторгомъ, якъ бы ѣлъ każde слово: «Чудна пѣсня, — сказалъ Ивась, коли господарь кончилъ: — я мушу той пѣсни научитися.

На другій день, еще солнце не зійшло, Ивась всталъ, умылся, помолился Богу и нетерпеливо чекае, коли выѣдутъ въ дорогу. Всталъ и Микола. Жѣнка зварила снѣданье. По снѣданью запрягли кони и поѣхали на половины.

Ивась не могъ очей спустити съ той чудной красы, якою такъ щедро одарилъ Всевышній наши горы Карпаты. Далекій былъ путь на полонины. На вечеръ пріѣхали подъ самы горы, до послѣдняго села подъ полониной, що зовеся Шикманы. Тутъ хотя на долинѣ, но вѣтеръ уже погыгае полонинскій — легкій и пріятный.

Микола зайшолъ до одного господаря на ночлегъ. Былъ то его добрый знакомый. Онъ разсказалъ Миколѣ о томъ, якъ день передъ тѣмъ убилъ медведя, и даже взялъ его до сѣней, щобы показати ему шкуру убитого звѣря.

— Ходи, Иваею, кличе Микола: — ходи, побачишь шкуру медведя.

Ивась, который цѣлый разговоръ господаря о убитомъ медвѣдѣ слухадъ съ наиболынимъ вниманіемъ, былъ дуже радъ тому, бо еще въ своемъ житью не видѣлъ шкуры съ медвѣдя. Подивился на шкуру и подумалъ: «Ей, щобы то я могъ убити медвѣдя... »

Рано встали, господарь далъ имъ поснѣдати и попрощался съ ними. Микола и Ивась посѣддали кони и пошли у плай (Плаемъ называется дорога, котора веде на полонины. По ней не можно ѣхати возомъ, а только пѣхотою или конемъ верхомъ). На обѣдъ пришли они на полонину Миколы.

Микола показалъ Ивасеви, где мае пасти ягнята, тай наказалъ ему, абы сокотилъ ягнята, щобы не сошлись со старыми овцами, бо тогда было бы трудно роздѣлити снова ягнята отъ овецъ.

На другій день Ивасеви помогли выгнати ягнята и Ивась пойшолъ съ ними въ одну сторону, котора была назначена на пасовиско для ягнятъ.

Пасе Ивась ягнята день, другій, и такъ перепасъ уже два тыждни. Быстро летить часъ на полонинѣ, и Ивасю сдавалось, що то лишъ два дня, якъ онъ розстался со своимъ первымъ господаремъ Дмитромъ Бѣлымъ. Ходитъ онъ по полонинѣ и спѣвае свою улюбленну пѣсню «Верховино, свѣтку ты нашъ» и не може налюбоватися красотою окружающей его природы. Найболыпе

дивился Ивась на Чорну Гору, на которой бѣлѣл снѣгъ: «Якъ то може быти, що тутъ тепло и пасутся овцы, а тамъ черезъ потокъ на другой горѣ снѣгъ бѣлѣе, якъ въ зимѣ?»

Ивась малъ велику охоту до стрѣльбы, но ватагъ (такъ зовется старшій пастухъ, поставленный надъ другими пастухами и отвѣчающій за нихъ) не давалъ ему стрѣльбы, бо зналъ, що Ивась съ нею не знае еще, якъ обходитися. Але одного разу отѣхалъ ватагъ до мѣста за солью и грисомъ для худобы и забавилъ въ мѣстѣ пару дней. Ивась, корыстаючи изъ неприсутности ватага, бралъ его стрѣльбу и учился стрѣляти.

Трафилося въ тотъ самый часъ, що медвѣдь убилъ телицу и затягъ ее до лѣса. Ивась уже раньше чулъ, що коло стерва дуже легко убити медвѣдя, и теперь набралъ великой охоты, взялъ стрѣльбу и пустился на медвѣдя.

Далеко въ лѣсѣ Ивась нашолъ убиту телицу. Онъ розглянувся, где бы можно укрытися, и побачилъ купу дерева, що повалилъ вѣтеръ. Ивась залѣзъ въ то дерево, нашолъ мѣстце, откуда добре стрѣляти, лягъ, натягъ куроцьк и чекае на медвѣдя. На счастье, не треба было долго чекати. За якихъ полгодини часу почувъ Ивась, якъ трѣщитъ сухе зѣлье подъ ногами звѣря, и за, хвилию увидѣлъ медвѣдя на томъ мѣстцѣ, где лежала телица. Подивился наоколо медвѣдь, повѣтрилъ тай почалъ ѣсти.

Ивась въ первый моментъ настрапшлся звѣрюка, бо то былъ большой медвѣдь, которого видъ и кудлы могли настрашити и отважного хлопа. Но по хвилѣ Ивась прійшолъ вполнѣ до себе тай вспомнулъ, що онъ долженъ стрѣляти. Медвѣдь былъ зверненный до него передомъ, такъ що было добре взяти его на прицѣлъ. Ивась вымѣрилъ медвѣдеви просто до головы и выстрѣлилъ.

Роздался страшный ревъ по лѣсѣ. Медвѣдь кинулся въ сторону, откуда палъ выстрѣлъ, и въ мигъ ока стануль надъ Ивасемъ и почалъ уже его своими лапами тягнути. Въ страху Ивась не зиалъ, що робити, но коли медвѣдь разинуль пащеку, щобы зубами покончити съ врагомъ, Ивась встромилъ ему до пыска стрѣльбу и выстрѣлилъ. Еще загоряча медвѣдь перетеръ стрѣльбу зубами, но съ тѣмъ уиалъ и здохъ.

Коли другіи пастухи почули два выстрѣлы, прибѣгли въ лѣсъ на помощь, но увидѣли лишь убитого медвѣдя, а за деревомъ Ивася перестрашенного и блѣдного, якъ стѣна. Ивась розказалъ имъ всю пригоду. Пастухи оглянули стрѣльбу и побачили, що она была разорвана медвѣдемъ на двое.

Ивась дуже боялся, що коли поверне ватагъ, то буде его бити за стрѣльбу, бо ватагъ былъ человекъ злый и безъ милосердія. Къ тому и другіи пастухи страшили его, що ватагъ дуже злый, если кто бере его стрѣльбу безъ позволенія. Страшны години переживалъ Ивась въ тотъ день и самъ не зналъ,

що ему робити: чи утїкати, чи остатися и вытримати побои отъ ватага. Вконцї переломился, щобы остатися, и сказалъ самъ до себе: «Чейже мене на смерть не убье».

Ивася любилъ дуже одинъ пастухъ, уже старшій человекъ, которого шанувалъ ватагъ и, если куда ишолъ, все на него передавалъ. Той пастухъ сказалъ Ивасеви, щобы сокотилъ ватага и, коли буде вертатися съ мїста, даль ему сейчасъ знати.

Было то пополудни, коли Ивасъ побачилъ издалека, що ватагъ иде. Сейчасъ побїгъ сказати о томъ старому пастухови. Тотъ заразъ прїйшолъ до дому и уже чекалъ въ хатї на ватага.

Коли ватагъ увїйшолъ въ хату, то сейчасъ побачилъ на столї свою стрїльбу на двое розломленну и сильно зачудовалсл.

— Що тутъ сталося, що моя стрїльба розломлена? — запытался онъ сейчасъ гнївно старшого пастуха.

— Що сталося?... А вотъ вашу телицю убилъ медвїдь и затыгъ въ лїсь, а Ивасъ взялъ стрїльбу и пойшолъ, щобы того медвїдя убити. Коли найшолъ звїря, то стрїлилъ до него, а медведь скочилъ на Иваси и зубами переломить стрїльбу...

— А Ивася роздеръ?... — занытался ватагъ.

— Нїтъ, Ивасъ жїе, бо коли медведь кинулся на него, то Ивасъ всадилъ ему стрїльбу въ горло и выстрелил, убиваючи звїря на мїстцї.

Ватагъ сильно дивувался, що такой молодой хлопчина мае таку отвагу. Заразъ послалъ за Ивасемъ, щобы прїйшолъ до дому. Кож Ивасеви дали знати, що ватагъ его кличе, онъ сильно настрашился, но рїшилъ ийти и сдатися на волю Божью. Коли приходилъ ближе до хаты, то уже на цїломъ тїлї трясся. Но коли увїйшолъ въ хату, ватагъ подивился на него, усмїхнулсл и сказалъ: — Ну що, Ивасю, ты еще жїєшь?

Ивасъ ничего не отвїтилъ, бо не могъ порозумїти такого отношенїя ватага. Ватагъ вытягъ руку до Ивася и сказалъ: «Молодчина ты, Ивасю! Съ тебе буде добрый стрїлецъ. Якъ лишь продамъ шкуру съ того медвїдя, що ты убилъ, то куплю двї стрїльбы: для тебе одну и для себе одну, а тоту стару бери собї на памятку.

Ивасъ иовеселїлъ и иоцїловалъ ватага въ руку. Отъ того часу ватагъ полюбилъ хлопчину Ивася надъ всїхъ другихъ и, коли выйшолъ господарь

Микола Чурій, то ватагъ не могъ нахвалити собѣ Ивася.

И пасе Ивасъ дальше свои ягнята. Одного разу погналъ Ивасъ ягнята на пасовиско и лягъ спати. Скоро онъ уснулъ твердымъ сномъ, не знаючи, що его жде.

Якъ разъ въ той хвилѣ вышелъ изъ лѣса одинокій медвѣдь и переходилъ недалеко спящого Ивася. Узрѣвши человекъ, медвѣдь прійшолъ ближе, обнюхалъ довкола, потрясъ нимъ лапою и отойшолъ въ сторону. Ивасъ, коли его медвѣдь лапою торкнулъ, пробудился, но не вставалъ, бо уже было поздно, а со страхомъ ждалъ, що съ нимъ теперъ ся стане. Лежачи неподвижно, Ивасъ отворилъ очи и смотритъ, куда пойшолъ медвѣдь. Но медвѣдь не отойшолъ далеко, а лишь началъ гребсти лапами яму. Тутъ Ивасъ порозумѣлъ, що медвѣдь копае яму на то, чтобы его похоронити.

Медвѣдь выгребъ большу яму, сталъ, подивился на Ивася, потомъ на яму и вернулся къ спящему. Ивасъ притворился, що спить. Медвѣдь обнюхалъ его еще разъ, потрясъ лапою, а такъ взялъ его лапами по половинѣ и несе до ямы. Положивши тѣло въ яму, медвѣдь що-то поморкотѣлъ и зачалъ загребати его землею. На счастье, там было достъ спадисто, и коли медвѣдь нагребалъ землю на Ивася, то земля котилась дальше въ долину, такъ що при концѣ медвѣдеви бракло земли, а Ивасъ еще не былъ совсѣмъ закрытый. Тутъ медвѣдь всталъ, поглянулъ навокруги, поморкотѣлъ щось и отойшолъ.

Ивасъ лежигъ въ своей ямѣ, и не знае, що почати. Бойтсѣ выходить, чтобы медвѣдь случайно не, вернулся и его не убилъ. Такъ прошло около полъ години часу. Ажъ тутъ приходитъ снова медвѣдь, приносить охапку моху и кидаетъ нимъ на Ивася. Послѣ того медведь ходилъ еще пару разъ за мохомъ и завидалъ нимъ совсѣмъ яму. Но и того было ему мало, а пойшолъ и принесъ дерева и положилъ поверхъ моху. Переконавшись, що человекъ похороненный, якъ ся належить, медвѣдь успокоился и пойшолъ въ свою сторону.

Ивасъ не могъ выйти изъ своей могилы, бо не былъ въ силѣ скинути съ себе дерево. Такъ лежалъ онъ въ ямѣ и ждалъ, що съ нимъ буде дальше. Вечеромъ ягнята сами вернулись домой безъ Ивася. Другіи пастухи тѣмъ зажурились, бо боялись, що Ивасеви приключилось яке несчастье. Онѣ знали, що Ивасъ дуже смѣлый и боялись, що онъ могъ зачепитися где нибудь въ лѣсѣ съ медвѣдемъ, и тотъ его роздеръ. Но на дворѣ было уже темно и потому пастухи не ишли его глядати сейчасъ, а отложили то на слѣдующій день.

Коли рано слѣдующого дня пастухи повставали, подоили овцы и коровы и поснѣдали, тогда отозвался до нихъ ватагъ: «Два изъ васъ пойдутъ глядати Ивася, только не забывайте, що медвѣдь, хотя убьетъ человека, онъ его не поѣдае, а лишь закопаетъ до земли, то уважайте на свѣжо разрыту землю».

Съ такой наукой ватага пойшли два пастуха глядати своего товариша Ивася. Ходили они до полудня, но не нашли ніякого слѣда. Пополудни, коли

уже вертались домой, спостерегли въ одномъ мѣстѣ свѣжу землю. Подойшли туда и увидѣли купу дерева и моху, то сейчасъ познали, що Ивась уже погребаный. Заплакали оба пастухи за своимъ такъ неожиданно погибшимъ товаришемъ. Но коли они между собою говорили, ихъ бесѣду почуль Ивась и застоналъ: «Ратуйте мене, бо я въ ямѣ».

Оба пастухи такъ перестрашились, що не могли слова одинъ до другого промовити, и въ томъ сграху отступили отъ ямы и стали утѣкати. Коли уже были дальше отъ той ямы, встрѣтили самого ватага, который видѣлъ, що уже вечерѣе, а пастухи не нашли Ивася, то постановитъ самъ выйти напротивъ нихъ.

— Що пригодилось вамъ, що вы таки наполоханы? — спытался ватагъ.

— Тамъ... тамъ Ивася медвѣдь роздеръ и закопалъ въ яму, еще деревомъ приложилъ.

— Но и чому вы тутъ прибѣжали, а не откопали тѣло? — grimнулъ ватагъ.

— Бо душа его еще тамъ плаче, и мы настрашились, — отвѣтилъ одинъ пастухъ.

— Маршъ назадъ! — крикнулъ ватагъ. — Где закопанный Ивась?

Коли прійшли къ могилѣ Ивася, все было тихо. Ватагъ приказалъ дерево скинут и отгорнути мохъ съ могилы. Тутъ Ивась гогалъ рушатися подъ землю. То такъ настрашило его спасителей, що не лишъ оба пастухи, но и самъ отважный ватагъ, который передъ хвилею смѣялся съ пастуховъ, почалъ утѣкати отъ той страшной могилы, и удирали всѣ разомъ, ажъ пока не очутились коло хаты.

Между тѣмъ Ивась выйшолъ изъ ямы, оглянулся доволка, но нигде ни живой души не видно было. Съ того онъ пустился самъ домой. Тутъ только онъ почуль страшне ослабленіе на цѣломъ тѣлѣ и сильный голодъ, що лишъ съ трудомъ переступалъ съ крока на крокъ. Коли онъ приблизился къ хатѣ, всѣ пастухи настрашились еще горше, бо думали, що то духъ Ивася прішшолъ ихъ мучити. Но Ивась былъ такъ утомленный, що даже не замѣтилъ боязни своихъ товаришей. Онъ увійшолъ въ хату и сѣлъ на лавѣ у стола. На столѣ былъ хлѣбъ и стоялъ горшокъ съ молокомъ. Ивась взялъ хлѣбъ, началъ ѣсти и напился молока. Послѣ того сталъ розказувати своимъ товаришамъ о своей пригодѣ. Но товарищи молчали и даже не рушались съ мѣста. Тогда Ивасеви прійшло на мысль, що напевно всѣ пастухи боятся его.

— Не бойтесь мене, бо я живой, а не мертвый, — сказалъ Ивась и

началь роздѣватися.

Тутъ почали и пастухи приходити до себе и осмались подойти ближе къ нему. Ивась оповѣдъ имъ, що ему приключилось съ медвѣдемъ. «Я думалъ, що уже смерть моя прійшла, — говорилъ Ивась: — бо самъ я не могъ выдостатися изъ ямы. Передъ хвилей я почувль, що якійсь люде говорятъ надо мною, но коли я, заговориль, они утекли. За пару минутъ они прійшли другій разъ, но я уже мюлчалъ, щобы ихъ снова не сполохати. Они розкрыли мою яму, но коли я хотѣль встати, они снова перестрашилися и почали утѣкати. Такъ я самъ прійшоль домой и вижу, що вы тоже понастрашуваны. Изъ ямы я не могъ достатися самъ, бо медведь накидалъ много дерева на яму, а при томъ я боялся, що медведь лежить где-нибудь близко и стереже могилу. Добре ино то, що воздухъ доходиль черезъ мохъ до мене, бо якъ бы медвѣдъ присыпалъ было мене не мохомъ, а землею, то я напевно бы теперь не говоритъ съ вами».

Ватагъ похлопалъ Ивася по плечахъ и каже: «Ивасю, съ тебе буде добрый и отважный стрѣлецъ».

Съ той поры Ивась почаль часто полювати на медвѣдей. А былъ такъ безпечный и смѣлый, що коли узрѣль медвѣдя, то казалъ: «Вотъ йде заядъ». Иначе онъ медведя не называлъ.

Одного дня Ивась запустился за далеко въ лѣсъ, где майже было гнѣздо медвѣдей. Коли онъ проходилъ такъ, узрѣль на великомъ деревѣ молоде медведя и сталъ ему приглядатися. Тутъ увидѣль, що ихъ тамъ было ажъ трое. Ивась не вытерпѣль и постановиль одно убити. Грялуль выстрѣль и молоде медведя упало съ дерева и заревѣло отчаяннымъ, предсмертнымъ ревомъ. Тотъ ревь почула стара медвѣдица и шаленымъ скокомъ кинулась на Ивася, стоящего коло убитого медведя. Ивась малъ еще настолько часу, що выхопился на дерево, на которомъ были медведята. Медвѣдица скочила вслѣдъ за нимъ и еще схватила его за чоботь, но на счастье, чоботь слѣзъ съ ноги, и Ивасеви удалось утечи дальше на дерево.

Однако, стрѣльба осталась на землѣ подъ деревомъ. Ивась малъ съ собою лишь малу сокиру, котору носиль за поясомъ.

Медведица въ страшной люти почала лѣзти на дерево за Ивасемъ, такъ що онъ скоро, уступаючи предъ ней, вылѣзъ къ самому верху дерева. Тутъ Ивасеви прійшло на гадку, що онъ мае сокиру за поясомъ. Вытягъ сокиру, приготовилься до удару и чекаль, коли медведица прилѣзе ближе. Коли она была уже совсѣмъ близко, Ивась удариль по высуненной лапѣ и отрубиль ей пазуры. Медвѣдица страшно заревѣла и упала съ дерева на землю.

На ревь старой медвѣдицы сбѣглась цѣла медвѣжья родина — пять великихъ медвѣдей и подняли такой ревь, що Ивася глушило. Потомъ началась атака на Ивася. Медвѣди одинъ по другому лѣзли на высоке дерево, щобы убита своего врага. Но Ивась уже имъ лапъ не рубалъ, а лишь подпускалъ звѣря

ближе и однимъ махомъ сокиры розбубливалъ ему голову. Такъ положилъ трупомъ семь медвѣдей.

А стара медвѣдица съ отрубленной лапой не уступилась изъ подъ дерева, а все ревѣла, якъ бы жаловалась на свою бѣду и призывала новыхъ звѣрей себѣ на помощь. Такъ застала Ивася на деревѣ и ночь. Минулася ночь, прійшолъ другій день, но медвѣдица лежитъ дальше подъ деревомъ и грызе его со злости.

Пересидѣлъ Ивасъ на деревѣ еще одинъ день и ночь. Ажъ на третій день медвѣдица пошла до потока напиться воды. Ивасъ, корыстаючи съ того, быстро слѣзъ съ дерева и захватилъ съ собою стрѣльбу. Коли медвѣдица пришла назадъ къ дереву, Ивасъ былъ уже на своемъ прежнемъ мѣстѣ и со стрѣльбою въ рукахъ. Онъ вымѣрилъ медвѣдицѣ въ голову и выстрѣлилъ. Медвѣдица лишь подскочила и упала мертва.

Тогда Ивасъ слѣзъ съ дерева и ажъ самъ перестрашился, коли подивился вокругъ. Чѣмъ скорѣйше отдалился отъ побитыхъ звѣрей. Прійшовши до дому, онъ розказалъ, що съ нимъ приключилося въ лѣсѣ, и попросилъ ѣсти, бо былъ страшно голоденъ. Того самого дня на полонину быйшолъ господарь Микола Чурый. Почувши, що Ивасъ столько медвѣдей побилъ, досталъ охоту пойти туда и подивитись тай поздирати шкуры. А шкура медвѣдя въ тѣ часы цѣнилась дуже хорошо — отъ 200 до 300 коронъ австрійскихъ.

— Ивасю, — говоритъ Микола: — пойдемо въ лѣсъ и покажешъ менѣ медаѣдей, що ты ихъ побилъ.

— Теперь небезпечно идти туда, — отвѣчае Ивасъ: — бо тамъ осталось еще двое молодыхъ медведячь и они своимъ ревомъ могутъ снова спровадити на насъ старыхъ медведей.

— Где бы там, столько ихъ было? Вѣдь ты всѣхъ выбилъ. При томъ у насъ будутъ стрѣльбы.

Ивасъ не соглашался, но господарь взялъ еще одного пастуха и такъ втроемъ отправились на то мѣстце, где лежали побиты медвѣди.

Коли прійшли на то мѣстце, то увидѣяи, що Ивасъ былъ правъ. Тамъ были уже два стары медвѣди, которы ходили и нюхали побитыхъ.

— Лучше намъ теперь ихъ не дразнит, — шепнулъ Ивасъ: — бо возможно ихъ туп, где-нибудь въ гущавинѣ есть больше.

— Назадъ не поидемо уже, коли мы тутъ, — сказалъ Микола.

— Насъ тутъ, трое, а медвѣди лишь два, то чого бояться? — добавиш, пастухъ.

Такъ было рѣшено медведей убити. Коли наблѣзишся къ нимъ на таке разстоянїе, що можно стрѣляти, то расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: Микола стоялъ въ серединѣ, а Ивась и другїй пастухъ по бокахъ. Первый малъ стрѣляти Микола, а за нимъ старшїй пастухъ. Ивась лишился на резерву, готовый убита того медвѣдя, который бы не упалъ за первымъ выстрѣломъ.

Микола и старшїй пастухъ намѣрили стрѣлѣбы и выстрѣлили. Но Микола не попалъ добре, бо его медвѣдь кинулся впередъ прямо на него. Пока Ивась добѣжалъ на помощь Миколѣ, тотъ былъ уже въ лапахъ разлюченного звѣря. Медвѣдь рванулъ Миколой и роздеръ его. Въ ту хвилю грянулъ выстрѣлъ, и медвѣдь поцѣленный въ голову, упалъ трупомъ на Миколу.

Микола умеръ на мѣстцѣ. Ивась и старшїй пастухъ взяли его тѣло и понесли до дому, а девять штукъ побитыхъ звѣрей оставили въ лѣсѣ.

Горько заплакалъ Ивась надъ гробомъ своего господаря Миколы Чурого, бо дуже его полюбилъ было за его тепле отношенье къ себѣ. У Миколы былъ одинакъ сынъ Федько, но то былъ человекъ злый и къ тому еще пьяница. Онъ не любилъ Ивася за то, що тотъ не хотѣлъ съ нимъ товариства тримати. Обнявши господарку по смерти отца, Федько прогналъ Ивася отъ себе и не далъ ему ани одного цента за его трирочну службу у пок. Миколы. И якъ предъ трема роками, такъ и теперъ, треба было Ивасеви ийти въ свѣтъ широкїй глядати хлѣба.

Иде Ивась отъ села въ село и пытае службы, ажъ якось на третїй день прїйшошь до села Бзенье, где увидѣлъ одно господарство добре забудоване. «Тутъ мусить жити богатый господарь», подумалъ Ивась. «Може достану у него службу, або бодай перероблю пару рей и пережію».

Такъ и зробилъ. Коли вступилъ на обѣстѣе, то господарь запрягалъ кони и хотѣлъ ѣхати въ иоле.

— Слава Иисусу Христу, — поздоровить Ивась.

— Слава наа вѣки, — сказал, господарь. Господарь спѣшилсд въ иоле й потому сейчасъ запытался: «Що хочеш, добрый молодецъ?»

— Шукаю службы або роботы.

Господарь подивился на. Ивася и видитъ, що хлопана здоровый, тай каже: «Менѣ теперъ власне треба наймита. Если хочешь, можешь остатись у Мене. Однакъ я тримаю наймитовъ такихъ, которы не пьютъ горѣлки. Якъ не пьешь, можешь остатись, но если пьешь, то лучше иди заразъ теперъ отъ моей хаты».

— Я не лишъ що не пью, господарю, но и не знаю, якій въ горѣлцѣ смакъ, — отвѣтилъ Ивась. — Я читалъ колись хорошу книжку о томъ, до чого приводитъ горѣлка и не хочу брата до устъ того напитку.

— Яку книжку? — поинтересовался господарь.

— Онуфрій Грушкевичъ Чаровникъ.

Господарь ничего на то Ивасеви не отвѣтилъ, только сказалъ: «Оставайся у мене». Сейчасъ запровадитъ Ивася до хаты, представилъ его своей женѣ и казалъ дати ему ѣсти. Ивась розгдянулся по свѣтлицѣ и увидѣлъ на стѣнѣ грамоту О-ва им. Михаила Качковского съ выписанными на ней четырьмя золотыми словами: «Молись, Учись, Трудись и Трезвись», за которы то слова онъ читалъ таке гарне оповѣданье въ книжечкѣ «Онуфрій Грушкевичъ Чаровникъ».

Господыня дала ѣсти. Ивась скоренько попсѣлъ. бо былъ голодень, и подяковалъ за обѣдъ, который еще не заробилъ.

— Якъ ся ты называешь? — спытала его господыня.

— Мое имя есть Ивась Грабъ.

— А родичи твои жиють?

— Померли, отповѣлъ Ивась.

Коли Ивась выйшолъ на дворъ, господарь держалъ уже кони наготовѣ и крикнулъ: «Сѣдай на возъ, поѣдемъ въ поле за збожемъ».

Ѣхати треба было достъ далеко. Господарь за этотъ часъ выпытался у Ивася, откуда походитъ и где обертался до сихъ поръ. Ивась расповѣлъ ему все откровенно.

— Якъ я вижу, — сказалъ господарь: — хотя ты еще молодой вѣкомъ, но бѣды ты пвребылъ уже больше, чѣмъ не одинъ старый.

Коли ирїхали на поле и почади накладати на возъ жито, то Ивась такъ скоро кидаль снопы, що господарь не могъ на возѣ дати собѣ рады. Привезли сбоже до дому, скинули до стодолы и поѣхали снова. Такъ пополудни обернули три раза. Вечеромъ Ивась помагаль господарю при господарцѣ дома, пока госпоdynя не позвала ихъ на вечерю.

Скоро привыкъ Ивась до своего нового господаря, который его дуже полюбилъ. Былъ то человекъ, якъ на наши отношенія, хорошо образованный, а що при томъ былъ богатый и тверезый, то малъ одного великого врага въ селѣ, а именно: шинкаря Янкля Босого. Янкель сильно не любилъ Микиту разъ тому, що тотъ николи до него не заходилъ пити, а по друге, що еще другихъ оттанялъ отъ корчмы.

Ивась скоро стался великимъ помощникомъ господаря Микиты въ той борьбѣ съ Янкдемъ. Бывало Ивась въ недѣли пополудни иде съ сельскою молодежью на музыку або други собранія и знакомится со всѣми. Неодолга своимъ поведеньемъ и чемностью Ивась сумѣлъ притягнути на свою сторону майже всю молодежь села, такъ що коли онъ що-нибудь скаже, всѣ слушаютъ. Ивась началъ имъ расповѣдати всякіи исторіи, а потомъ, коли интересовались и любили его слухати, сталъ имъ читати изъ книжокъ Неразъ вечеромъ въ недѣлю полна хата молодежи, котора пришла слухати повѣсти, яку началъ читати Ивась. Коли такъ собралъ коло себе больше людей, Ивась одного вечера сталъ читати имъ Онуфрія Грушкевича Чаровника. Люди слухали, и скоро старшіи зачали плакати. Въ четыре вечера книжка была дочитана до конца. Въ четвертый вечеръ — было то въ перву недѣлю великого поста — Ивась, дочитавши книжку, сказалъ до собравшихся: «Вотъ мы тутъ чули, яке несчастье приходитъ на людей черезъ горѣлку, сколько бѣдныхъ сиротъ остае безъ кавалка хлѣба, а жида и ихъ дѣти ходять, якъ шляхтичи, хотя жида не роблять. Не треба намъ далеко ходити, только подивѣтся на нашего шинкаря Янкля, якій онъ богатый. Мае сто морговъ поля, сорокъ штукъ худобы и четыре слуги, а онъ самъ и его жена лишь ходять и посмѣхунутся съ дурного «гоя»... »

Даже самъ Ивась не сподѣвался того, якій результатъ зробить его проповѣдь. На слѣдующу недѣлю па Службѣ Божой 80 людей старшихъ и молодыхъ стали со свѣчами въ рукахъ напередъ престола и всѣ заприсягали на вѣки отъ горѣлки и записались до братства трезвости.

Коли о томъ всемъ довѣдался шинкарь Янкель Босый, то бѣгаль по селѣ и говорилъ людямъ: «Нащо вамъ слухати такого бунтовника, такого волоцюгу? Оно дурне, оно не знае, що человекъ, якъ выпье келишокъ горѣлки, то заразъ весельше ему, забывае свои бѣды, а и я що-то вторгую. Сколько то я вамъ наробилъ добра, мои люди, а прїйшошь одинъ бунтовникъ и честныхъ людей бунтуе ...»

Но слова Янкля не мали теперъ великого успѣха. Дошло до того, що надъ жидомъ стали ся смѣяти, и чѣмъ разъ меньше людей заходило въ его корчму. Янкель тогда заскаржилъ Ивася до староства, що бунтуе людей въ селѣ. Приходили жандармы и выпытовалися людей, но ничего прогивъ Ивася не

нашли.

Одного разу Ивась малъ чудный сонъ. Ему привидѣлось, що онъ ѣде на бѣломъ конѣ и выходитъ на високу гору, где видитъ много кошей пшеницы. «Кто тутъ столько пшеницы насыпалъ?» — думаетъ Ивась. Но отвѣта на тѣ думки не получилъ, бо нигде не было видно живой души. Потомъ Ивась сходитъ въ долину и ѣде конемъ тою долиною, ажъ приходитъ на одну улицу, а тамъ болото. Но Ивась знаетъ, що муситъ перехорти черезъ то болото. Посрединѣ конь разомъ съ Ивасемъ почалъ въ томъ болотѣ потопати, такъ що коневі только голова остала наверху, а Ивася вытянулъ надоспѣвшій челоуѣкъ...

Тутъ Ивась пробудился. Ему стало тавъ страшно, що уже не спалъ, а лишь думалъ про тотъ дивный сонъ, що опъ мае означати. На другій день розказалъ онъ тотъ сонъ своему господарю, но тотъ не могъ ничего ему въ томъ ростолковати. Ажъ одинъ старенькій дѣдусь того села ростолковалъ сонъ Ивася въ такий способъ: ѣхати конемъ бѣлымъ на гору и видѣти коши пшеницы означае велике счастье и радость; схозиги въ долину и погрязнутъ въ болотѣ — то смутокъ и несчастье; уратованьв его, що не погибъ разомъ съ конемъ, указае на то, що ктось его изъ того несчастья вытягне.

Такъ прошло пару дней, и Ивась почалъ забывати о своемъ снѣ. Одного дня говоритъ ему господарь: — Знаешь, Ивасю, я купилъ кавалокъ поля вотъ тамъ подъ лѣсомъ, тай я бы хотѣлъ отъ лѣса выкопати ровъ. Теперъ работы и такъ нѣтъ такой, то пойдешъ и зробишь ту роботу, а я выйду съ тобою и покажу тобѣ; границу.

На другій день взялъ господарь Ивася, показалъ ему границу поля, где треба копати, и пойшолъ до дому. Ивась сталъ, копати, но не укопалъ еще и поль сажня, якъ наразъ рыскалъ ударилъ о щось твердого, звенящего. Сталъ Ивась осторожно то мѣсто откопувати и побачилъ тамъ желѣзный предметъ. Коли откопалъ его совсѣмъ, то увидѣлъ предъ собою желѣзный котель, наполненный монетой. Взялъ въ руки, смотритъ и видитъ, що то гроши. Сердце забило ему въ груди такъ сильно, якъ бы хотѣло розбити грудрую клѣтку. Вытащилъ котель изъ ямы, а тамъ подъ нимъ еще другій котель, наполненный такой же монетой. «Що тутъ робити?» — подумалъ Ивась. Но по хвилѣ взялъ выкопалъ въ сторонѣ яму и тамъ закопалъ оба котлы. Съ собою взялъ домой лишь одну монету.

Коли прійшолъ домой, показалъ господарю ту монету: «Гляньте, що я найшолъ на ролѣ, коли вертался до дому».

Господарь оглянулъ монету уважно, а потомъ сказалъ: «Я буду завтра въ мѣстѣ и пойду съ той монетой до злотника, то онъ скаже, що то есть, бо можливо, що то есть золото.»

На другій день поѣхалъ господарь до мѣста тай просто до злотника. Тотъ попробувавъ монету и каже: «А чи маєте, Микито, много такой монеты?»

Нема, только одну роботнйкъ найшоль.

— Если одна только, то продайте менѣ, я вамъ дамъ за нее 15 злотыхъ, бо то есть золото, то старинный дукать.

Микита не согласился продати. Вернувшись до дому, онъ говорилъ Ивасю: «Знаешь що, Ивасю, ту монету тримай, якъ будешь женитися, то зробить съ ней собѣ и своей нареченной перстень, бо то чисте золото, за которе злотникъ хотѣлъ дати 15 злотыхъ».

Ивась сильно обрадовался, що мае такій великій моетокъ, и пригадалъ собѣ свой сонъ о кошахъ пшеницы. Но одно его сильно кортѣло, а именно, хотѣлось ему узнать, сколько то тѣхъ монетъ тамъ есть.

Недалеко того поля, на которомъ, были засыпаны гроши, стояла хатчина, котору Янкель продалъ было на лицитаціи и выгналъ изъ ней людей. Хатчина стояла теперъ пустою. Одного дня Ивасеви упало на гадку, шо добре бы было въ той хатинѣ, ночью перераховани всѣ гроши въ котлахъ. Подумалъ и такъ и зробилъ.

Было то въ Пилиповку. Ночь была хмарна и темна, Ивась взялъ съ собою свѣчку гай пойшоль, откопалъ скарбъ, занесъ котлы до той хатины, закрылъ оконце, щобы не видно было свѣтла, и сталъ рахопатп монету. Перераховалъ онъ оденъ котелъ и пачислилъ въ немъ 21,500 дукатовъ. Въ другомъ на око было столько же, шо и въ первомъ, но не было уже часу, щобы все перераховани.

Тѣшилъ Ивась, що мае таку велику сумму грошей; пригадалъ собѣ своего тата, якъ тяжко онъ бѣдовалъ и его годовалъ, а при томъ еще и трое чужихъ дѣтей; нагадалъ собѣ и за свою маму, якъ она послѣ смерти отца рубала дрова и дѣтей годовала; згадалъ про своего брата молодшого Николу тай про сестру Оленку, которыхъ послѣ того, якъ померла мама, не видѣлъ больше, — и стало ему сумно на сердцѣ такъ, шо заплакалъ. Коли онъ прійшоль назадъ до себе изъ той задумы, радость и плачь полинули, бо треба было думати, шо тутъ почати. По хвилѣ рѣшилъ гроши закопати въ безпечномъ мѣстѣ до той поры, пока не выйде изъ войска. «А якъ выйду изъ войска», думалъ Ивась, «тогда выкопаю гроши, накуплю поля, оженюсь тай пошукаю за своими братомъ и сестрою и дамъ имъ грошей, щобы не бѣдовали».

Съ такимъ рѣшеніемъ Ивась закопалъ котлы въ удобномъ мѣстцѣ, накрылъ землю листьемъ и пустился домой.

На дворѣ уже розвиднялось. Щобы не вызывати у встрѣчныхъ людей нйкихъ подозрѣній, Ивась утялъ пару дубовыхъ бильней до цѣпа и несе домой. Дорога ему была по-прн Янклеву хату. Коли Ивась проходилъ мимо ней, то Янкель стоялъ у окна и дивился на дворъ. Онъ побачилъ Ивася и заразы

отойшоль отъ окна.

Въ саму ту ночь одному господареву въ селѣ пропали кони. Господарь наробилъ алярму, и все село стало на ноги. Уже и жандармы пришли и начинаютъ слѣдство, бо въ томъ селѣ, якъ и доокрестныхъ, не было року, щобы не пропало колько паръ коней. Гдесъ тамъ находился злодѣй-конокрадъ, которого было невозможно словити.

Янкель пригадалъ себѣ, що Ивась вертался рано изъ лѣса, и ажъ подскочить съ радости: «Ага, почкам ты, ажъ теперъ я тя научу!» Заразъ далъ знати жандармам, що онъ ужъ знае, кто укралъ кони. Прійшли жандармы, и Янкель расповѣлъ имъ, що видѣлъ дуже рано, якъ Ивась ишоль изъ лѣса и все оглядался, а потому никто другій, лишъ онъ то зробилъ.

Жандармы направились теперъ просто до Микиты. Войшли въ хату и пытаются: — Где былъ вашъ наймитъ той ночи?

— Не знаю совсѣмъ, где бы онъ малъ быти; онъ спалъ дома. Прикликали Ивася и давай его допрошувати: — Где ты былъ той ночи?

— Нигде, — отвѣтилъ Ивась.

— Такъ, ты злодѣю! — крикнулъ жандармъ и ударилъ его кулажомъ въ лице. — Чому брешешъ, коли ты той ночи не былъ дома, бо Янкель Босый тебе вѣдѣлъ, якъ ты ишоль изъ лѣса.

— Я ходилъ до лѣса принести бильней до цѣпа, — сказалъ Ивась и показуе, що принесъ.

Но жандармы не дивилися на то, а сковали Ивася и повели до Янкля. У Янкля въ тотъ часъ былъ Никола, слуга того господаря, которому кони пропали. Янкель, коли узрѣлъ черезъ окно Ивася скованного, дуже обрадовался и сказалъ до Николы: «Я ему ажъ теперъ покажу, тому бунтовникови... онъ ужъ нашего села больше не увидить».

Никола любилъ дуже Ивася, и теперъ ему стало жаль дивитися, якъ жандармъ билъ скованного совсѣмъ задармо, а жидъ доказовалъ, що никто иншій, лишъ одинъ Ивась могъ украсти кони, бо онъ бунтовникъ и злодѣй на цѣле село.

Вернувшись до дому, Никола розказалъ своему господареву, що Янкель присвѣдчилъ на Ивася и далъ его арештовати, яко злодѣя, що укралъ кони.

— Я не повѣрю тому, — отповѣль господарь. — Ивась въ нашемъ селѣ ужъ третій рокъ и всѣ его познали, яко честного и справедливого молодца, Онъ не могъ того зроби́ти. Я скорше повѣрю, що то самъ Янкель укравъ кони и теперь звалюе на Ивася.

— Я такъ само думаю, — сказалъ Никола. — Отнынѣ я буду мати око на Янкля и на того Семена, що у него вѣчно сидигъ. Тотъ Семень навѣрно много знае, бо жидъ ему дае пити задармо и держить его за своего вѣрника.

— Правду кажешь, хлопче. Я самъ маю на нихъ подозрѣнїе, но боюсь высказатись. Я бы заразъ далъ 100 злотыхъ тому, кто бы выкрыль, що Янкель краде кони.

IV.

Ивася забрали жандармы до мѣста и тамъ мучили, страшенно били, горяче желѣзо прикладали до пятъ, щобы признался, где спряталъ кони. Ио Ивась не могъ признатися, хотя бы и хотѣль, бо не зналъ ничего о коняхъ. Коли всѣ муки ничего не помагали, тогда жандармы придумали послѣдню найстрашнѣйшу пытку: роздягли Ивася догола и повѣсили его за ноги и руки такъ, що онъ висѣль въ воздухѣ хребтомъ внизъ, а одень изъ жандармовъ запалиль свѣчку и припекаль ему хребетъ, що ажъ шкура слѣзала съ тѣла, Ивась терпѣль страшну боль, кричалъ и плакать, но былъ безсильный.

— Где кони? — пыталися жандармы.

— Не знаю, житѣе отберайте, но не скажу, бо не знаю.

Тогда вахмистръ приказалъ Ивася отвязати и отвести въ тюрьму. Страшно болѣло его спечене тѣло, такъ що много ночей не спалъ совсѣмъ, бо не могъ положитися иа постель.

Такъ проспѣль въ тюрьмѣ Ивась три мѣсяцы до росправы. На росправѣ Янкель присягъ, а съ нимъ и Семень, що видѣли, якъ Ивась ишоль дуже рано изъ лѣса и оглядался. Судъ приговориль Ивася на 10 лѣтъ тяжкой вязницы.

По засудѣ жандармъ отставиль Ивася до Станиславова на Дуброву, где сидять злодѣи и убійцы, а Янкель съ великою радостью повернулъ до дому тай тѣшнлся, що посбылся Ивася изъ села.

— Вотъ видите, добры люде, кого вы слухали, — оповѣдалъ Янкель каждому, съ кѣмъ ино встрѣтился: — такого тяжкого криминальника, що его на десять лѣтъ засадили до Станиславова,

Но люде въ селѣ знали добре, що Ивась ничего не виненъ, и помежи себе стали говорити, що то самъ Янкель укралъ кони, а потомъ звалилъ на Ивася. Кто таку чутку пустилъ по селѣ, никто не могъ сказати, но она донеслася и до Янкля и сильно его беспокопла.

Одного разу Никола зайшолъ до Янкля, по-пріятельски привитался и говоритъ: — Якъ маешь добре вино, то дай одну шкляночку.

Жидъ сильно утѣшился, бо Никола былъ изъ тѣхъ, що дуже рѣдко въ его корчму заходили, а еще рѣдше вина просили.

— Маю файне вино, Николо, и я тебе самъ почестую, бо ты добрый человекъ, а не такий, якъ тотъ Ивась, що бунтацію въ селѣ робиль.

— Знаешь що, Янклю, — каже Никола: — кабы то еще и его господаря Микиту, того богача, научити розуму...

Янкель съ радости налилъ еще другу шклянку вина и говоритъ: — Николо, я знаю, що ты добрый человекъ, и я тобѣ щось скажу, но ты менѣ приречешъ, що никому ничего не выдашь.

Приречу и присягну, якъ хочешъ.

— Най то буде межи нам, Николо: я тобѣ дамъ 100 зл., но я тебе буду просити о одну рѣчь, щобы ты менѣ зробиль.

— Янклю, за 100 зл. я тобѣ зроблю, що хочешъ.

— Ну якъ такъ, — сказаль Янкель: — то хор до другой комнаты и мы тамъ поговоримо.

Никола въ душѣ тѣшится, що мае жида въ рувахъ, и иде за нимъ ажъ въ третью комнату. Янкель принесъ еще вина, сѣли и жидъ говоритъ: — Знаешь що, Николо, я маю на того Микиту дуже добрый способъ. Тутъ есть оденъ газда, що мае добры кони — то Федько Неровный, но онъ ихъ такъ замыкае, що не можно достатися къ нимъ. Тотъ газда сусѣдъ твоего господаря, и ты у него бываешь, — вотъ возьми воску тай притисни до той дѣрки, где ключъ на воску отобьется, и я потомъ дороблю ключъ.

— Нащо тобѣ столько заходу. Я буду у него вечеромъ, коли ты схочешъ, и украду ключъ, якъ замкне уже стайно.

Янкель ажъ подскочиль при тѣхъ словахъ Николы: — То буде файно, о

файно!

Никола вернувся до дому дуже веселый и сказаль господареви, що уже мае жида въ рукахъ, только, треба молчати.

На другій вечеръ Никола снова зашолъ до Янкля, казалъ дати собѣ вина и, оглянувшись, що никого нема, сказаль: — Янклю, я чуль, що у Федька кони купують и дають ему 350 злотыхъ.

Жидъ, якъ то почувъ, ажъ стрясся.

— Николо, то треба намъ робити, якъ найскорше, наветь сего вечера.

— Добре, — отповѣль Никола: — нй где ты подѣнешь тїи кони, якъ украдешь?

— Ты не старайся тѣмъ, бо я маю таке мѣстце, що и дѣдко ихъ тамъ не найде...

Жидъ немного подужаль, якъ бы не зналь, що почати, а потомъ каже: — Ходи, Николо, я тобѣ щось покажу.

Вышли до сѣней, изъ сѣней до коморы. Въ коморѣ были сходы до пивницы. По тѣхъ сходахъ сойшли вннзъ, а тутъ Никола увидѣль просторну стайню, а въ ней одну пару коней.

— Чѣи тїи кони? — пытаеся Никола.

— О, я ихъ купиль съ мѣсяць тому назадъ у одного знакомого изъ сусѣдного села. Видишь, Николо, за ту стайню знае, лишь мой Семень, потомъ тотъ знакомый изъ сусѣдного села и теперь ты. Якъ бы такъ коли притрафилося тобѣ достати въ руки добры кони, то приведи ихъ смѣло до мене, бо тутъ можно безопасно укрыта, и я ихъ продамъ, а тобѣ добре заплачу. Такій разумный паробокъ, якъ ты, може собѣ легко жити, а не ходити по службѣ у чужихъ людей. Дивись, мой Семень, жїе собѣ, якъ панъ. Онъ що мѣсяць приведе менѣ найменше одну пару.

Никола розглянуль добре по стайнѣ, прїобѣцяль, що мае на думцѣ одну добру пару коней, котору приведе скоро до Янкля, и пойшолъ домой, щобы вечеромъ выполнить порученїе Янкля.

Коли Никола пришолъ вечеромъ до Федька Неровного, тамъ уже собрались спати. Никола попросиль Федька до другой комнаты и розсказаль

ему всю исторію, яку малъ съ Янклемъ. Федько былъ молодой газда и добрый пріятель Ивася и его господаря Микиты. Коли Никола сказалъ ему, що въ пивницѣ у Янкля стоить пара коней, Федько спыталсл: — А може то кони твого господаря, за которы Ивася осудили.

— Нѣтъ, Янкель говоритъ, що привель ихъ одинъ злодѣй изъ сусѣдного села. А моего господаря пара, я думаю, давно продана.

— Николо, то такъ не можно оставити, — сказалъ Федько. — Я тобѣ дамъ ключи, и ты занеси ихъ Янклю. Я уже припилюю, щобы мои копи, если ихъ украде, не забралъ изъ села до рана. А рано поидемо шукати коней.

По тѣхъ словахъ Федько нашолъ ключи и отдалъ ихъ Николѣ. Никола направилсѣ къ Янклю, а Федько погасилъ свѣтло и вышелъ потихоньку изъ своей спальни на дворъ.

На другій день рано наймитъ Федька прибѣжалъ перестрашенный въ хату и оповѣдаетъ, що двери отъ стайни открыты, и молоды кони украдены. Федько заразъ сорвалсѣ съ постели, поглянулъ до стайни, потомъ быстро собралсѣ и пошолъ до начальника громады замельдовати о пропажѣ коней.

Заразъ были повѣдомлены жандармы. Прійшли два съ вахмистромъ и начали допытыватисѣ между людѣми и глядати слѣдовъ злодѣя. Цѣлый день пробыли въ селѣ, но не могли ничего найти. Вечеромъ зайшли до Янкля. Янкель привиталъ спокойно жандармовъ и говоритъ, якъ бы ничего не зналъ: — А що такого скоилосъ, що вы сегодня цѣлый день въ селѣ?

— Ты арендаръ въ селѣ и ты повиненъ все знати, — сказалъ смѣючисѣ одинъ жандармъ.

— Правду маете, арендаръ повиненъ все знати, а якъ повиненъ, то и знае.

— Но якъ такъ, Янклю, то скажи, кто укралъ кони Федька Неровного?

Янкель подумалъ хвильку, погладилъ бороду и совсѣмъ равнодушнымъ тономъ, такимъ, якъ бы говорилъ не о вчерашней кражѣ коней, а о прошлогодномъ снѣгу, спросилъ: — А у Микиты Чорного вы были?

— У Микиты Чорного? По що? Онъ оденъ изъ найбогатшихъ господарей въ селѣ ...

— То и есть, що изъ найбогатшихъ, — сказал, лукаво Янкель. — Откуда же то все его богатство?

Жандармы заразъ направились въ хату Микиты, Коли прійшли къ нему, Микита вечерялъ.

— Микито, — сказалъ вахмистръ: — вы знаете, где суть кони Федька Неровного?

— Якъ же я могу знати, коли я ихъ не укралъ.

— Власне, що Янкель свѣдчить, що вы украли кони.

— Янкель не може такъ свѣдчити, бо онъ мене нигде не видѣлъ сей ночи, и за мною стане цѣле село, що то неправда.

Жандармамъ самимъ не дуже хотѣлося вѣрити, чтобы Микита могъ быти причастнымъ къ той кражѣ, но Янкель свѣдчить, то треба брати на его отвѣтственность. Сковали Микиту и привели до корчмы.

Коли жандармы съ Микитой вступили въ корчму, Янкель погладилъ бороду, усмѣхнулся съ горы на Микиту и сказалъ: «Пойдешъ туда, где сидитъ твой Ивасъ — на Дуброву».

Микита ничего не отвѣтилъ.

Въ той хвилѣ въ корчму пришолъ Федько Неровный и, узрѣвши скованного Микиту, пытается удивленно: — А вы, Микито, за що? Що вы зробили?

На то первый отозвался Янкель: — Пане Федько, онъ есть злодѣй, що укралъ ваши кони...

— Брешешъ, жиде! — крикнулъ Федько. — Такій господаръ не иде красти.

— А съ отки онъ такій богачъ? — продолжалъ свое Янкель.

— Богачъ, бо працювалъ, а не пилъ, и доробился.

— Доробился? Онъ такъ доробился, як и тотъ, що онъ его перетримовалъ. Оденъ злодѣй уже сидитъ въ кришталѣ, а теперъ приде судъ и на другого.

— На тебе, Янклю, приде скорше судъ, якъ на него, — сказалъ Федько и звернулся до жандармовъ со словами, щобы пустили Микиту, бо никто не вѣритъ, щобы Микита могъ украсти кони.

Но жандармы отвѣтили, що разъ Янкель присвѣдчилъ на Микиту, та они мусять его задержати, доки справа не выяснитса.

На то озвался и молчавшій до сихъ поръ Микита и сказалъ до жандармовъ : — Я просилъ бы васъ, панове, щобы вы перевели ревизию у Янкля, бо тотъ Семень, который у него пребывае, мае быти правдивымъ злодѣемъ, а съ нимъ и Янкель.

Жидъ кинулся съ кулаками на скованного Микиту, але жандармъ заступилъ ему дорогу и загрозилъ арестованіемъ если не буде заховуватися спокойно. Янкель въ великомъ гнѣвѣ выйшолъ въ другу комнату, а жандармы рѣшили между собою увзгляднити просьбу Микиты, но передъ тѣмъ сковали Семена, и связали разомъ съ Микитой. Коли Янкель вернулся къ нимъ и увидѣдъ Семена скованного разомъ съ Микитой, наробилъ великого крику: — Що вы, панове, съ розуму сходите, що такого честного чловѣка въ желѣзо даете...

Но то не помогло. Вахмистръ приказалъ Янклю молчати, а скованныхъ Семена и Микиту забралъ до громадской канцеляріи, где зачалъ писати съ ними протоколь.

Микита сказалъ, що не знае за ніякіи кони, и що въ своемъ житью не укралъ еще ничего, а все, що мае приобрѣлъ своимъ трудомъ и оцадностью.

Семень за тотъ часъ не чулся добре. Видно было по его лицѣ, що совѣсть у него не спокойна. Коли жандармъ, сталъ съ нимъ писати протоколь, онъ не могъ отвѣтити на пытанье, где былъ минувшей ночи. Янкель изъ-за плечей жандарма давалъ знаки Семену, но тотъ, повидимому, не розумѣлъ ихъ или не хотѣлъ обращати на нихъ вниманія. Жандармъ понялъ, що тутъ Семень щось крутитъ и, щобы вымусити отъ него признаніе схватилъ за ланцушки на его рукахъ и стиснулъ, що ажъ кровь выступила.

Страшно заревѣлъ съ болью Семень и каже : — Пусти, то все скажу!

Жандармъ распустилъ ланцушки, и Семень заявидъ: — Кони Федька Неровного укралъ я.

— А где они теперь? — залыталъ жандармъ.

— Въ пивницѣ у Янкеля.

Янкель стоялъ блѣдый, якъ стѣна, и не могъ рушиться съ мѣста. Жандармъ приступилъ къ нему и закомендеровалъ: — Дай руки!

Янкель не сопротивлялся. Жандармъ сковалъ ему руки, а Микиту освободилъ. Послѣ того всѣ пошли до Янкля и дѣйствительно нашли въ его пивницѣ не только Федьковы кони, но и пару изъ сусѣдного села, за которой уже цѣлый мѣсяць глядали безуспѣшно жандармы.

Тутъ и Микита заявилъ жандармамъ, що Ивась сидитъ задармо уже другій годъ въ тюрьмѣ. Жандармы пригадали собѣ исторію съ Ивасемъ и то, якъ онъ не хотѣлъ признаться имъ до вины, хотя мучили его найстрашнѣйшими муками. Вахмистръ подумалъ хвильку, а потомъ взялъ Семена самого до другой комнаты и остро приказалъ: — Скажи правду, кто укралъ кони Василя.

— То мы оба съ Янклемъ, — отвѣтилъ даже не надумуючись Семень.

Вахмистръ выишолъ изъ комнаты и приказалъ Семену повторити тѣ самыя слова при свѣдкахъ.

— Значитъ Янкель свѣдчилъ фальшиво на Иваси? — спыталсд жандармъ.

— Такъ онъ свѣдчилъ и присягалъ фальшиво и мене еще намовилъ до фальшивой присяги.

V

Жандармы дали сейчасъ знати до суду, що Ивась сидитъ невинно, бо имъ удалось найти правдивого преступника. Судъ видалъ телеграфично приказъ, щобы Ивася освобождено.

На другій день Ивась повернулъ до Микиты Чорного. Старый господарь дуже урадовалс.я, обнялъ Ивася и сказалъ: — Бедный ты, Ивасю, два роки мучили тя невинно въ тюрьме.

— Но правда такой выишла на верхъ, — сказалъ весело Ивась.

Всѣ въ домѣ Никиты радовалися, що Ивась такъ неожиданно вернулся къ нимъ. Жена Микиты Марія сейчасъ принесла новы лахи, щобы переоделся. Ивась переоделся, сталъ предъ икону Спасителя и поблагодарилъ Всевышняго, що не далъ ему пропасти въ тюрьме невинно.

— Ивасю, — сказалъ господарь: — я бы себе желалъ, щобы ты осталъ у

нась не якъ за наймита, а якъ за сына, бо мы и такъ бездетны.

Ивасеви выступили слезы въ очахъ. Онъ приступилъ до Микиты и поцеловалъ его руку, потомъ приступилъ до Маріи и тоже поцѣловалъ ю въ руку и сказалъ: — Съ наибольшей радостью остану у васъ, бо нигде я не нашолъ такой щиросердечной любви, якъ у васъ. Отнынѣ я буду кликати васъ моимъ отцемъ и моей матерью. Въ сердце своемъ я уже давно уважаю васъ за родичей.

Коли узнали въ селе, що Ивась уже есть дома, праве целое село пришло повитати его. Микита розказалъ, якъ Никола перехитрилъ Янкля, якъ онъ близко два роки слѣдилъ за нимъ, щобы открыти его тайны дороги, и якъ, наконецъ, досягъ своей цѣли.

Ивась хотѣлъ самъ поблагодарит Николе за его усердіе для него, но Николы не было между людьми. Не надумуючись долго, Ивась оставилъ другихъ въ хате, а самъ побежал, до Василя Нарѣжного, у которого служилъ Никола. Но дома тамъ не засталъ ни Николы ни господаря. Жена Василя ему сказала, що они оба поехали въ лесъ и еще не вернулись.

За якій двѣ години Никола ц Василя пріѣхали изъ леса. Коли господиня розказала имъ, що Ивась уже дома и былъ у нихъ, щобы привитатися, то Никола не ждалъ ани вечери, а сейчасъ пошолъ до хаты старого Микиты. Ивась, коли его узрѣлъ, кинулся ему на шею и, обнимаючи его, дяковалъ ему за то, що онъ сдѣлалы для открытія правды.

На другій день, коли уже все утихомирилось, каже Микита до Ивася: — Знаешь, Ивасю, я бы сказалъ, щобы ты ся оженилъ, такъ якъ мы обое уже стары, тай рады бы уже троха отдохнути.

Ивась подяковалъ Микитѣ за его щирость и раду тай говорить: — Я уже два роки не жию въ селі, и не знаю добре никого, а только могу опуститися на вашу раду, за которой охотно пойду.

Сказалъ тѣ слова Ивась и самъ переограшился, бо пригадалъ собѣ, що онъ любил дѣвчину Василя Нарѣжного, а тутъ далъ слово своему господареві, що возьме, котору онъ скаже.

Микита, дочувши слова Ивася, не говорилъ больше ничего, лишь усмѣхнулся и пойшолъ до своей работы.

У Микиты была служница, котора мѣсяць послѣ того, якъ Ивася арестовали, ирѣйшла на службу. Дѣвчина была працовита, а до того дуже разсудна и красива. Передъ такой дѣвчиной ни одинъ мужчина, а тѣмъ меньше молодой юноша, не може долго устояти. Не устоялъ и Ивась, а началъ къ ней примиятись.

Одного разу пытаеся Ивась: «Оленько, съ отки ты походишь — чи изъ тудейшого села, чи изъ якого другого?»

— Я изъ села. Баганки.

— А чому ты пришла сюда такъ далеко на службу?

— Я отъ маленькихъ лѣтъ служу, бо не маю ни тата ни мамы, то иду, где лучшу службу можно достати.

— То твои родичи давно померли?

— Давно, бо я ихъ совсѣмъ не памятаю.

Тутъ Ивась закончилъ разговоръ и пошолъ до своей работы. Но о своей бесѣдѣ съ Оленькой и о самой Оленькѣ онъ думалъ дальше и такъ умилился, що слезы стали ему въ очахъ: «Вотъ маю супругу: така сиротка, якъ и я самъ. Дѣвчина гарна, а що бѣдна, то ничего не шкодитъ, бо я нынѣ богатый. Я возьму Оленьку за жену и осчастливлю ея житѣе, кабы только Микита менѣ позволилъ. Но я далъ Микитѣ, слово, що возьму ту, котору онъ менѣ укаже ... Зле я зробилъ, що я такъ сказалъ ему. У Микитовой жены есть сестра, котора мае двѣ дѣвчины, и не дай Богъ, если такъ Микита, прикаже менѣ съ одной изъ нихъ женишся. Не хочу я тогда его маютку, ни его дѣвчины, а лучше покину его домъ, и пойду съ Оленькой далеко отсюда, накуплю поля и будемъ господарити. . .».

— Ивасю, иди ѣсти, обѣдъ готовый, роздался голосъ Оленьки.

Ивась всталъ, словилъ Оленьку за руку, и говоритъ: — Оленько, я хочу тобѣ щось сказати.

— Ну, кажи скоро, бо тамъ чекають на обѣдъ.

Ивась обхватить руками Оленьку, поцѣловалъ въ лице и каже: — Вотъ то и есть, що я хотѣлъ тобѣ сказати.

Оленька покраснѣла, вырвалась ему изъ рукъ и заговорила: «Ивасю, якъ ся оженишь, то можешъ цѣловати свою жену, а не мене».

Ивась пришолъ до хаты. Мжитиха дала обѣдъ, и Ивась съ Мивитой сѣли за столъ. Оленька не сѣла, бо стгыдалася Ивася, а нарочно найшла себѣ таку роботу, щобы тотъ часъ не быти въ хатѣ.

— Знаешь, Ивасю, — проговорилъ старый Микита: — я маю для тебе дѣвчину.

У Ивася сердце забило беспокойно: «Вотъ, вотъ начне разговоръ о донькахъ жениной сестры».

Но старый Микита говорилъ совсѣмъ другое: — Ты донедавна былъ сирота и скитался всюда, а сегодня ты господарь на цѣле село. Ты менѣ пріобѣцьялъ, що оженишься съ тою, на которую я укажу, — но не бойся того, бо я тоже былъ молодымъ и знаю, що молодому сердцу треба. Я оставлю тобѣ полну волю избрати себѣ такую подругу, яку хочешь. Правда, я маю для тебе одну дѣвчину, которую мы обое съ женою выбрали для тебе и мы думаемъ, що она може быти доброю газдынею и вѣрною женою, но мы не хочемо тебе силовати . . .

— А кто она, та дѣвчина? — спросилъ Ивась.

Микита усмѣхнулся до своей жены и сказалъ, показуючи рукою черезъ окно: — А вотъ она тамъ, що курамъ дае їсти.

Ивасеви якъ бы камень упалъ съ сердца.

— Я такъ и надѣялся, — сказалъ Ивась: — но не хотѣлъ вѣрити, що выберете якъ разъ Оленьку, которую я люблю.

Микитиха закликала Оленьку до хаты и каже: — Чому не идешь їсти, коли обѣдъ на столѣ.

Оленька ничего не отвѣтила, лишь подивилася на Ивася и почервонѣла.

— Оленько, мы хочемо тебе отдавати, — сказала жаргобливо Микитиха.

— Добре вамъ жартовати надъ бѣдною сиротою, — сказала тихо Оленька.

— Нѣтъ, то не жарты Оленько, — вмѣшался Микита, который всталъ изъ-за стола, взялъ Оленьку за руку, привелъ до Ивася и сказалъ: «То твой мужъ!»

Оленька не знала, що дѣется съ нею: чи то сонъ, чи наяву. По хвилѣ прійшла до себе, поцѣловала старого Микиту въ руку, потомъ Мивитиху и

вибѣгла изъ хаты.

Пополудни Микита пойшоу до священника оповѣстити, що онъ женить Ивася съ Оленою. Священникъ похвалилъ Микиту за тое, що принялъ за свои двое сиротъ, и сказалъ ему, щобы постарался достати имъ метрики, то въ найблизщу недѣлю можно буде читати перву оповѣдь.

На другій день рано запрягъ, Ивасъ кони и поѣхалъ съ Оленькою до своего родного села, щобы выбрати метрики. Приѣхали на приходскій дворъ и застали священника, якъ ишоу изъ, церкви. Увидѣвшій на дворѣ молодыхъ, совсѣмъ незнакомыхъ людей, священникъ подождалъ на ганку. Ивасъ подошоу къ нему, привиталъ словами: «Слава Іисусу Христу», поцѣловалъ въ руку, но сталъ смѣшанный, не знаючи, якъ начата свою просьбу.

— Що доброго скажешь, молодче? — запытался ласкаво священникъ.

— Я бы просилъ отца духовного о метрику менѣ и той дѣвчинѣ, такъ якъ мы обое изъ того села и хочемо вступити въ супружество.

Священникъ покликать ихъ до канцеляріи. Ивасъ сказалъ, якъ называеся, и назвалъ имя своего отца. Священникъ нашолъ, выписалъ метрику и иодаль Ивасеви.

Коли Оленька назвала свою фамилію, священникъ зачудовался, що они одинаковы фамиліи мають.

— А якъ было на имя твоимъ родичамъ ?

— Я не помню моихъ родичей, лишь менѣ люди говорили, що я изъ того села.

Священникъ сталъ глядати за ея именемъ. Но другого Граба, въ цѣломъ селѣ не было. Въ записяхъ было лишь одно имя Олены Грабъ, доньки Михаила Граба.

— Що вы, дѣти, подурѣли, — крикнулъ священникъ: — та-жъ вы брать и сестра, дѣти одного отца и одной матери.

Ивасъ стоялъ, якъ вкопанный. Но священникъ пояснилъ дальше, що тутъ въ селѣ другихъ людей, носящихъ фамилію Грабъ, не было, и потому не можетъ быти ніякого сомнѣнія.

Обое расплакались предъ священникомъ и съ плачемъ оповѣли ему

свою исторію, якъ розійшлись по свѣтѣ и одно про другого ничего не знало уже пятнадцать лѣтъ.

— У васъ есть еще братъ, старшій отъ Оленьки, если где не умеръ. Ему теперъ 22 роки и имя его Николай, — сказалъ священникъ.

Ивасъ и Оленька подяковали священнику, сѣли на возъ и поѣхали до дому. Долго по дорогѣ ничего не говорили, бо были страшно потрясены такъ неожиданно открывшейся имъ тайной.

— Ивасъ, що мы будемо теперъ робити, якъ вернемося до нашего господаря? — спыталася, наконецъ, Оленька.

— Розскажемо ему нашу исторію и або останемо у него, або поидемо инде.

— До иншого господаря на службу?

— Нѣтъ, не на службу. Мы, Оленько, не, такъ бѣдны, якъ ты думаешь, мы маемо великій скарбъ.

Коли Ивасъ и Оленька пріѣхали до дому и розсказали, що ся стало, то Микита и Микитиха дуже жалѣли Оленьки, но пріобѣцали дати ей вѣно, якъ она буде отдаватися.

Скоро по цѣломъ селѣ рознеслася вѣсть, що Ивасъ есть братъ Оленьки. Тогда и Никола, що служилъ у Василя Нарѣжного, сойшолъ на долину села до Микита Чурого и каже до Ивася: — Я такожъ называюсь, якъ и вы, но я не знаю изъ якого я села, бо я дуже малымъ сталъ блукатися помежъ людей.

— А сколько тобѣ лѣтъ?

— Двадцать третій.

— И не памятаешь на тата ни маму?

— Тата не памятаю, а маму памятаю, якъ ихъ принесли убиту изъ лѣса, но потомъ малымъ я столько ходитъ по разныхъ селахъ, що не знаю, въ которомъ я родился.

— Николю, то ты нашъ братъ! — выкрикнулъ черезъ слезы Ивасъ и кинулся въ объятія своего младшого брата.

Белика радость настала въ хатѣ Микиты Чурого. Посходилося больше людей, и всѣмъ было! чудно, якъ такъ неожиданно, по 15 рокахъ разлуки, соединились снова сироты по пок. Михаилъ и Агафіи Грабъ.

Коли люде розойшлись, Микита сказалъ до Ивася: — Но съ Оленькой, котору я тобѣ выбралъ, жениться не можешь, бо то твоя сестра, але я маю для тебе еще одну дѣвчину . . .

Ивасъ ажъ стерпѣ при тѣхъ словахъ Микиты, бо думалъ, що тотъ выберетъ для него доньку жениной сестры. Но Микита закончилъ свое предложеніе иначе: «... а та дѣвчина то Марія, Василя Нарѣжного донька».

— Я не маю ничего противъ вашего выбора, — сказалъ Ивасъ.

Еще того вечера Ивасъ послалъ сватовъ до Василя Нарѣжного. За три тыждни отбылося весѣлье.

Недолга по свадьбѣ Ивася въ судѣ отбылася росправа надъ Янклемъ Босымъ и его слугой Семеномъ. Росправа тянулась три дни, бо выкрылось, що Янкель Босый увралъ всего 25 коней, и теперь всѣ покривдженны зголосились до суду. Судъ приговорилъ Янкля на 15 лѣтъ тюрьмы!, а Семена — на 5 лѣтъ, а также постановить, судъ, що изъ маетки Янкля Босого всѣ покривдженны мають получить отшкодованье.

Въ судѣ прикликали и Ивася и запыталися, яку онъ шкоду потернѣлъ черезъ Янкля. Ивасъ почилилъ себѣ по 5 золотыхъ за добу, що сидѣлъ въ тюрьмѣ, и вдруге столько за зневагу. Судъ приклонилъ къ тому требованію и присудилъ Ивасю надгороды поверхъ 7 тыслчъ золотыхъ.

Янкель и его адвокат, протестовали, но то ничего не помогло, бо для всѣхъ было очевиднымъ, що цѣлый маетокъ. Янкля повсталъ изъ крадежи.

За двѣ недѣли Ивасъ получилъ вырокъ суда, где писалось, що Янкель Босый долженъ до 14 дней заплатити Ивану Грабу поверхъ 7 тысячъ золотыхъ. Жидъ той суммы не заплатитъ, и до двухъ мѣсяцевъ отбылася лицитація его маетки. Цѣлое господарство Янкля купилъ Ивасъ, — а было всего 108 морговъ поля и 20 штукъ худобы.

Еще передъ тѣмъ Ивасъ откопал, съ братомъ Николой свой сварбѣ и отвезъ его до державного банку въ мѣстѣ. За два тыждни банкъ прислалъ Ивасю повѣдомленіе, що его скарбъ мае вартость на новы гроши 145,000 золотыхъ, изъ чого держава бере четвертину, а остальну часть оставяе властителю.

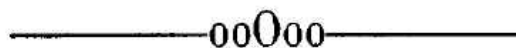
Отримавши гроши, Ивасъ закликалъ Оленьку и Миколу и промовить

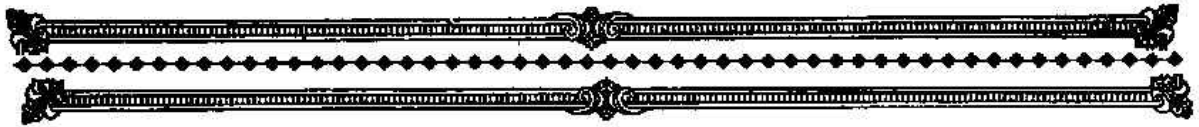
до нихъ: «Дорогій Брате, и ты, дорога Сестро: судьба наша сиротска гоняла нами долго та туда то сюда, и долги роки мы не знали ничего другъ про друга. Послѣдній разъ мы видѣлись у мертвого тѣла нашей покойной матери. Съ той поры минуло уже 15 лѣтъ. Но послѣ той неволи тяжкой Божя воля судила намъ сойтися снова разомъ. А если такъ, то я желаю, щобы мы жили отнынѣ, якъ братья и сестры повинны жити. Отожь найперше тобѣ, брате Миколо, хочу я днесъ заплатити за ту роботу, котору ты для мене зробилъ, хотя ты не зналъ, що я твой братъ. Даю тобѣ 20 тысячъ золотыхъ изъ моего скарбу и 30 морговъ наилучшого поля, которе я купилъ у Янкля. А тобѣ, моя найдорожша сестро, котору я полюбилъ еще перше, чѣмъ довѣдался, що ты моя сестра, хочу тоже дати 20 тысячъ золотыхъ и 30 морговъ поля. Однако, молю васъ обоихъ, памятайте и въ счастье на несчастье, яке приходилося вамъ переживати. Коли будете тримати слугъ на своемъ господарствѣ, не дѣлайте имъ кривды, бо вы сами были слугами и знаете, якій неразъ горькій хлѣбъ слуги. Не забывайте николи о томъ, якъ тяжко працювали наши покойны тато и мама, щобы намъ, маленькимъ дѣтямъ, добыта кусокъ хлѣба. Если сохраните навсегда память о ихъ тяжелой трудовой жизни и будете также честно трудитись, то Богъ поблагословитъ труды рукъ вашихъ».

Микола и Оленька заплакали при тѣхъ словахъ Ивася. Они благодарили своего старшого брата за его братску любовь къ нимъ и за его щедрый даръ.

Оленька, коли достала гроши и поле, сталася найбогатшой невѣстой на цѣлю околицю, и заразъ почали сватати ю богачи. Но Оленька отклонила руки богачей, а выйшла замужъ за молодця, которого любила, якъ еще не мала ни золота ни поля. И Миколу оженился съ хорошей дѣвчиной, котору любилъ. Бывшіи сироты нынѣ жиють счастливо въ одномъ селѣ, а Ивась не лишъ стался добрымъ совѣтникомъ и помощникомъ своего брата, и сестры, но и цѣле село находить всегда у него добру пораду и помощь.

ВАСИЛІЙ ПЕЦЕЙЧУКЪ.

ПРОПАВШІЙ СЫНЪ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИТІЯ РУССКОГО НАРОДА НА ПОКУТЬЮ

Было то въ 1866 году, коли небожка Австрія мала войну съ Пруссіей и Италіей. Въ тотъ часъ жилъ на карпатскомъ Подгорью, въ селѣ С..., одинъ бедный человѣкъ, по имени Николай Криворукій, со своею женою Татьяною. Хотя онъ былъ человѣкъ бѣдный, но былъ дуже честный и працовитый. Маутку онъ не посѣдалъ майже ніякого, кромѣ хатчины и полъ морга поля надъ рукою Черемошемъ, та еще изъ того полъ морга поля гучный Черемошъ урывалъ и забиралъ по кусочку, такъ що Николай былъ принужденъ перенестися съ своею хатчиною подальше отъ рѣки. Онъ поклонился радѣ громадской, и рада громадска ухвалила ему дати четверть морга громадской толоки, куда Николай перебралъ свою хатчину.

Тяжко пришлось Николаеви жити на новомъ мѣстцѣ, бо пляць, который дала громада, быть не до ужитку. Долго працовалъ Николай, пока выробилъ грядки, где бы жена могла бодай цибулю посадити. И робилъ Николай у людей то за хлѣбъ то за одежду для себе и для своей фамиліи. Фамилія была велика, бо было у Николы чотыри дѣвчата и одинъ хлопецъ. Дѣти были всѣ дробны, такъ якъ хлопцеву было всего 12 лѣтъ, а изъ дѣвчатъ Аннѣ — 10 лѣтъ, Оленѣ — 8, Катеринѣ — 6, а наймолодшой Софіи — только 4. Понеже Николаеви было тяжело всѣхъ дѣтей годовати, то онъ сына Петра далъ на службу до одного заможного господаря пасти худобу, а дѣвчину Анну забрала за свою сусѣдка Параня, котора была бездѣтна, Такъ троха облегчало Николѣ, бо уже меньше малъ старатися о хлѣбъ и одежду.

Такъ проминуло 6 лѣтъ. Дѣти Николы поподростали, а старшій то уже велики и помагають Николѣ. Но якъ повѣдають люде, бѣдному всегда вѣтеръ вѣе до очи. Такъ было и съ Николою. Пршшоль 1866-ый годъ, и выбухла война, а подчасъ войны такъ бывае, що цвѣтъ молодежи забирають и гонять на рѣзню, не пытаючи совсѣмъ, якъ та молодежь выгодаваиа. Треба панамъ войны, то и забирають, кого могутъ. Такъ сталося и съ сыномъ Николы Петромъ. Взяли его до войска, собрали транспортъ и маршомъ погнали ажъ до Вѣдня, такъ якъ въ тотъ часъ еще не было коляи въ Галичинѣ, а только першу коляю робили изъ Кракова черезъ Львовъ до Черновець, Рекруты ишли пѣхотою ажъ до Вѣдня — черезъ Венгрію.

Тяжка то была подорожъ, и много лишалось по дорогѣ, що уже не могли ийти, а часомъ и умирали. Но Петро былъ хлочецъ здоровый и счастливо прибылъ до Вѣдня. Пять дней подержали его въ Вѣднѣ, а такъ погнали на итальянскій фронтъ.

Николай и Татьяна дуже ся журили и плакали за Петромъ, такъ якъ у нихъ не было больше хлопцевъ. Такъ въ тяжкой журбѣ проминула имъ вся война. Австрія помирилась съ Пруссіей и Италіей, и войска почали роспускати до-дому. Николай, коли почувъ, що война уже скончена, дуже тѣшился, хотя не зналъ чи его сынъ жиє, чи убитый. Но лучъ надежды не покидалъ его сердца.

Однако тутъ случилось друге несчастье. Въ Галичинѣ насталь страшный неурожай и голодъ, а по голодѣ холера. Люди гибли, якъ мухи отъ трутизны, бо холера была страшна, що человекъ неразь робить на полѣ п заболить его коло сердца, а за пять минутъ уже не жиє.

Не минула холера и Николаевого дома. Немилосерднымъ ударомъ вошла въ него и всѣ чотыри доньки Николая померли въ одинъ тыждень. Николай и Татьяна якось уцѣлили, но сильно зажурились, бо тутъ четверо дѣтей похоронили, а за сына Петра не мають ніякой вѣсти, хотя товарищи его уже поприходили. Никто изъ нихъ не знає ничего про Петра. Що съ нимъ сталося? чи где въ плѣну? чи пропалъ безъ вѣсти?

Такъ минуло немало часу, а Петра нема и нема. Тогда Никола порадовался со своею женою и пошли до священника, щобы отслужити Службу Божу и панихиду за душу Петра. И такъ съ тѣхъ поръ Никола каждого року въ тотъ день, коли прощались съ Петромъ, якъ выпроважали его на войну, нанималъ Службу Божу за упокой Петра, такъ якъ малъ его за умершего.

Николай сталъ уже старый, а съ нимъ постарѣлась и Татьяна, бо недостатки и журба за дѣтьми подкопали ихъ силу. Николай посивѣлъ якъ голубъ, а Татьяна сторбилась и тварь ея покрыли морщины.

Но не такъ случилось съ Петромъ, якъ стары родичи думали. Коли Петра попровали на фронтъ, онъ боролся хоробро въ рядахъ австрийской арміи, но одного разу сильна французска армія зашла австрийцамъ сзади и забрала въ плѣнъ большой отдѣлъ войска. Тогда и Петро попалъ въ плѣнъ. Своихъ плѣнныхъ французы погнали ажъ въ Францію. Тамъ ихъ подѣлили и погнали въ разны стороны. Петра и семь другихъ его товарищей погнали ажъ подъ границу Испаніи и тамъ дали ихъ до одного дѣдича на роботу.

У того дѣдича они робили днемъ, а вечеромъ ихъ вязали докупы кайданами и приковывали до столба. Такъ они спали каждую ночь. Но одного разу они ся взбунтовали и не хотѣли дати себе заковати. Тогда дѣдичъ далъ знати властямъ, и пришла компанія солдатъ и ихъ забрали до мѣсточка. Тамъ ихъ поставили передъ военный судъ и троихъ изъ нихъ розстрѣляли, а четырехъ заковали въ кайданы и посадили до тюрьмы. Страшна то была тюрьма, бо що-ночь заковывали ихъ въ кайданы.

И тамъ просидѣлъ Петро три роки. По трехъ рокахъ была имъ дарована провинна и они были выпущены на свободу. Петро, коли выйшолъ изъ той тюрьмы, то былъ голый и босый. Онъ нанялся на службу до одного господаря, а що Петро былъ хлопецъ роботный, то господарь его полюбилъ и обходился съ нимъ по человечески и не кривдилъ его. Петро привыкъ до того житья, чулся якъ бы дома и не хотѣлъ вертатися до своего краю, такъ якъ зналъ, що дома ничего не достане лѣпшого.

У того француза пробыль Петро чотыри роки. На пятый рокъ померъ его господарь, а неодога скончалась и его жена, Петро остался самъ, нотаць якъ у того господаря не было дѣтей, то фамилія забрала господарство, а Петро пошоль дальше. Но не пошоль онъ съ порожными руками, бо умирающій его господарь далъ ему 2,000 франковъ, а господиня также дала 500 франковъ, такъ що Петро малъ, якъ отходиль, 3,000 франковъ, бо и своихъ за тотъ часъ троха прискладаль.

Одного разу, коли Петро шукаль за якимсь занятіемъ и переходиль пѣшкомъ изъ одного мѣсточка до другого, то утомился, а що ишоль по при лѣсъ, то завернулъ до лѣса и лягъ ногъ дубомъ на муравѣ. А было то лѣтом. День былъ жаркій, и Петро подумаль: «Вотъ гарный холодокъ... треба собѣ троха уснути». Коли Петро уснулъ, почаль ему снитися сонъ, що онъ дома въ своей хатчинѣ и вѣдиль, якъ отецъ его тяжко робить въ огородѣ, а мама коло печи варить обѣдъ. Коли мама зварила обѣдъ, послала его, чтобы закликаль тата до хаты. Коли Петро выйшоль изъ хаты, побачиль на огородѣ величезного дуба. Въ той хвилѣ тато прикликаль его къ собѣ и сказал,: «Знаешь що, Петре, я буду умирати... отождь я тобѣ теперъ скажу, що подѣ симъ дубомъ есть котель золотыхъ грошей, и ты долженъ ихъ выкопати по моей смерти».

По техъ словахъ отца Петро пробудился, зорвался на ноги и самъ до себе говоритъ, що то за сонъ, що то мае быти.

«А може тутъ, где я спалъ, суть закопаны якій гроши», подумаль Петро и почаль зривати траву и гребсти землю. Заразь подѣ травою была каменна плита. Петро взяль кусокъ патики и подважилъ плиту. Що за чудо? — подѣ плитою узрѣль котель съ якоюсь монетою. Дрожащими руками Петро досталь котель и почаль обзирати ту монету. То были стары золоты франки еще съ часовъ Наполеона.

Петро забраль тѣ гроши и пійшоль до мѣсточка, но ледво несе, понеже то важило 60 фунтовъ. Въ мѣсточку наняль собѣ квартиру, замкнулся и началъ рахувати тѣ гроши. Нарахуваль 40 тысячъ франковъ. Петро пійшоль съ грошами до банку, где ему выплатили новыми франками — за одного старого платили 5 новыхъ уже съ процентомъ, который отчислили для державы. Всего получилъ Петро 200,000 франковъ.

Чуючись дуже богатимъ, Петро подумаль о томъ, чтобы написати письмо до краю и довѣдатися, чи тато и мама жиють. Если получитъ ответъ, що жиють, то поѣде до-дому, бо еще бы хотѣль видати своихъ бѣднихъ родичей. Но если родичи не жиють, то не поѣде, бо ему и тутъ добре.

Подумаль и такъ сдѣлаль. Написаль письмо до краю, до тата, и чекае отповѣди. Но отповедь не приходитъ. Написаль друге письмо и чекае. Но снова надармо. Такъ подумаль, що уже померли и нема чого ѣхати до-дому.

Однако иначе чувствовало его сердце, отколи тотъ сонъ ему снился. Его щось сумлѣнье мучило и совѣсть говорила: «Вертай на свою родинну землю». Такъ его мучило три года. Куда ни пійде, все ему нудьга за родиною, а чужина щодня стае ему мачохою. Неразь иде понадъ рѣку, то ему привиджуесь Черемошъ съ своею гучною водою. Онъ чуе въ ушахъ шумъ Черемоша, и ажъ стане и заплаче.

Одного разу сидить онъ въ хатѣ и щось собѣ думаетъ. Наразъ чуе крикъ: «Петре, Петре!» Онъ ворвался и выбѣгъ на подворье. Глядае, но никого нема. Ктось его кликалъ по русски, но никого не видно. Повернулъ до хаты, запалилъ сигара и курить, ажъ тутъ снова крикъ: «Петре, Петре!»

Петро сталъ якъ ошеломленный и самъ до себе говорить: «Що то може быти? — Певно якась нечиста сила: никого нигде нема, а ктось на мене кричить». Сплюнулъ, перекрестился и выйшолъ на подворье, а тоска за родиною мучить его немилосердно. Пошполъ до театру, но и тамъ ему невесело. Все ему стае въ очахъ, що то чуже, не родне.

Прійшолъ до-дому и постановилъ собѣ, якъ можно напскорше поѣхати до краю. Приготовить все и за три дни уже былъ готовъ до выѣзду.

Между тѣмъ далеко, въ Галичинѣ, старый Никола, оставшись на стары роки безъ дѣтей и не маючи ніякой вѣстки о сынѣ, взялъ до себе одну бѣдную сироту, котора лишилась безъ тата и мамы и не было кому ю приголубити. Тую то сиротку взялъ Никола до своей хатчпы, и Татьяна стала для ней якъ бы родною матерью.

Дѣвчина была послушна, и Никола и Татьяна дуже ся тѣшили, що бодай на старость буде кому подати имъ воды до постели. Коли дѣвчина подросла и мала уже чотырнадцать лѣтъ, то уже почала помагати своимъ прибраннымъ родичамъ и тѣшилась ними, якъ бы своими родными. Неразъ злы люде говорили ей: «Ей ты, дурна дѣвко, чого годуешь задармо тѣхъ старыхъ жебраковъ, тажъ они тобѣ ничего не дадутъ, якъ будутъ умирати? Ты бы собѣ заробила трохи грошей теперь за молоды роки и найшолся бы парубокъ, который бы съ тобою оженился. А якъ ты будешь коло тѣхъ старыхъ, то ты ничего не будешь мати и никто тебе не засватае».

Но Олена, бо такъ было той дѣвчинѣ на имя, всегда отказывала на такую раду: «Не журится вы моею судьбою, Богъ и менѣ дастъ долю, а тѣхъ, що мене выгодували отъ пяти дѣтъ и заступили менѣ родичей, не покину, хйба-бымъ померла».

Въ житью такъ часто бывае, що кому Богъ не дае богатства, тому дае красу и вроду. Такъ и Олена была красавица на цѣле село и всѣ ей завидували. Неразъ богацкїи сыны говорили: «Эхъ, кобы то Олена мала хоть моргъ поля, то заразъ бы послалъ до ней сватовъ». Олена о томъ добре знала, бо ей неразъ стары жены передавали, що говорятъ на селѣ люде.

Но былъ въ селѣ одинъ богачъ Дмитро Полїйчукъ, богачъ изъ богачей. Сидѣлъ онъ на 80 моргахъ поля и ховалъ 30 штукъ худобы. Всего подостаткомъ было у него. И былъ у Дмитра сынъ-единачъ Иванъ. Тотъ сынъ выросъ уже на гарного хлопця, но былъ ледачїй и любилъ собѣ потягнути изъ бутылки, за що неразъ Дмитро и колотилъ его, но тое ничего не помагало.

Старый Дмитро дуже грызся тѣмъ, що Иванъ не буде добрымъ господаремъ, и неразъ говорилъ до своей жены: «Бѣда... доки мы, то и маетокъ есть, но не стане насъ, то все пойде прахомъ. Но якъ бы такъ найти добру жену для Ивана, то може бы его стримала».

Одного разу отвітала Дмитрова жена: «Воть Оденка, если бы такъ мала троха вѣна, то я казала, щобы нашъ Иванъ съ нею женился, бо лучшей дѣвки въ селѣ не найти, но бѣда, що Оленка совсѣмъ бѣдна и для насъ былъ бы встыдъ, щобы мы брали невѣсту безъ вѣна».

Но Дмитро былъ чедовѣкъ розумный и зналъ въ такихъ справахъ найти себѣ раду. Онъ сказалъ женѣ: «То ничего, що она безъ вѣна. Она дѣвка працьовита и розумна, и она може спасти Ивана. А що до вѣна, то я ей подсуну пару сотокъ, и она купить собѣ вѣно. Що до Ивана, то онъ съ охотою на то пристане, бо я вижу, що онъ за нею пропадае».

Дмитриха пристала охотно на слова мужа бо она сама Олену дуже любила. Оленка майже всегда у Дмитра робила, а Дмитриха только Оленку брала до помощи на кухнѣ, бо знала, що она все зробить такъ, якъ наилучша газдыня.

Еще того самого дня вечеромъ послала Дмитриха по Олену, щобы прійшла, бо она хора и нема кому робити на кухнѣ. Олена прійшла до Дмитра и привитала обоихъ, бо застала ихъ въ хатѣ. Дмитриха дала ей роботу, а сама нѣбы то пошла до постели.

Дмитро вийшолъ на дворъ и за хвилию снова вернулся и пойшолъ до комнаты, где была Дмитриха, и радостно говорить до жены: «Знаешь що... есть добра случайность дѣло устроить, якъ мы собѣ желаемо. Теперъ былъ со мной Василь Дмитришинъ и говорилъ, щобы я купилъ поле, що межуе съ нашимъ, а есть тамъ съ три морги. Василь хоче 700 ринскихъ. Вотъ тутъ есть Олена и можемъ съ нею все обговорити».

Дмитриха покликкала Олену до своей комнаты. Коли Олена увійшла, тогда Дмитро почалъ ей говорити: «Оленко, знаешь, що я тобѣ скажу? Мы хотѣли бы тебе мати за невѣстку. Но теперъ слухай дальше. Ты бѣдна и менѣ было бы стыдно, щобы я женилъ своего сына и не бралъ жадного вѣна. Отожь мы ся порадили съ женою такъ, щобы тобѣ дати грошей на пару морговъ поля. Ты собѣ поле купишь, а тогда я пойду въ старосты за моего Ивана. Теперъ якъ разъ есть способность купити поле. Василь Дмитришинъ продае три морги, що йдутъ коло моего о межу, и хоче 700 злотыхъ. Отожь я дамъ тобѣ тѣ гроши и ты купишь себѣ поле».

Олена не знала, що на тое сказати, только выбѣгла до кухни. За нею вийшолъ Дмитро и Дмитриха. Дмитриха снова пытается: «Ну, якъ ты ся надумала, Оленко?»

— Добре, — отвітала Оленка, — але що я зроблю съ моими старенькими родичами?

— Що маешь робити съ ними? — отвіталь Дмитро: — вѣдь то не твои родичи. Ты не мусишь ними ся грызти.

Тии слова такъ оскорбили Олену, що не надумуючись долго, сказала: «Я ихъ не оставлю за нїякіи гроши. Они мене выгодували, и я должна одати имъ тое, що они сдѣлали для мене. Они не дали менѣ пропасти, то и я ихъ теперъ не могу оставити. Они сами неразь не ѣли, а менѣ дали, и я мала бы теперъ ихъ покинути?... Николи!» — выкрикнула Олена и выбѣгла изъ хаты.

Коли Олена прійшла до своей хатчини, была дуже встревожена, бо сама не знала, що ся съ ней стало. Она начала розказувати старымъ прибраннымъ родичамъ, що ся съ ней случилось у Дмитра Палійчука, но была такъ розстроена, що не могла долго говорит и расплакалась. Николай и Татьяна не могли Олену порозумѣти и наразѣ думали, що съ нею, не дай Богъ, стало щось недоброго. Коли переплакалась, Николай сталъ выпытоватись, що съ ней случилось. Тогда Олена розказала имъ, що говорили ей Дмитро съ женой, и заявила: «Я бы радо на тое пристала, хотя Иванъ ледащій, но я бы его поправила и може бы съ него былъ господарь, но одно бѣда: коли я запыталась у Дмитрихи, що буде съ вами и кто вамъ буде на стары роки помагати, то Дмитро викрикиулъ на мене: «Они тебе не мають обходити, бо то не твои родичи».

— А що ты ему на тое сказала, Оленко? — спытался старый Никола.

— Я сказала имъ, що васъ на стары роки не могу оставити, бо вы мене маленьку выгодовали и я должна вамъ помочи теперъ, коли вы уже безсилъны и нигде не можете заробити на житъе.

Николѣ стало дуже тяжко, коли почувъ тїи слова Олены. Ему было жаль, що Дмитро и Дмитриха могли такъ, до Оленки говорити, бо онъ отъ молодыхъ лѣтъ всегда робилъ у Дмитрового тата Ивана и потомъ, якъ уже Дмитро сталъ господаремъ, робилъ у Дмитра и цѣле свое здоровье стратилъ только у Дмитра за нужденну плату. А теперъ на старости тотъ Дмитро не хочеть знати про него и готовъ забрати у него прибранну доньку Оленку, лишаячи его самого на голодну смерть. Съ того жалю старый Никола чуть не расплакался, но обернувшись до Оленки, сказала: — Дякую тобѣ, Оленко, що ты насъ не хочешъ оставити, а Богъ Всевишній нехай тебе вынагородитъ за твое добре сердце.

Татьяна подала на столъ вечерю, и всѣ трое сѣли вечеряти. При вечерѣ говоритъ Никола до Татьяны: — Вотъ, Татьяно, завтра день роковинъ, якъ мы прощались съ сыномъ Петромъ, который погибъ на войнѣ.

Старенькимъ родичамъ покотились рѣсны слезы по ихъ сморщенныхъ лицахъ, и не доѣвши вечера, встали и почали молитись. Олена подивилась на нихъ и тоже не могла вздержати тиснувшїися слезы. И такъ плачучи, полягали всѣ спати.

Долго не могъ уснут старый Никола. Наконецъ, сонъ его зморилъ, и тогда приснилось ему, що онъ выпроваджуе сына Петра на войну и дуже плаче. И такъ во снѣ расплакался старикъ, що Оленка мусѣла встати и збудити его, бо дуже кидался и мучился отъ того. Коли Оленка пробудила его, онъ ажъ упрѣлъ, отъ плачу и сталъ росповѣдати, якъ то ему снился его сынъ Петро, якъ онъ его выпроваждалъ на войну и якъ Петро сѣлъ па коня и погнался на фронтъ. Потомъ, снилось старику, обступили Петра французскїи войска и убили его, а тѣло его забрали съ собою до Франціи.

По томъ снѣ уже не спалъ старый Никола, а думалъ про свой сонъ. Оленка тоже не спала, а думала про сонъ Николы. Коли рано повставали, Никола и Татьяна пїйшли до церкви, а Оленка пїйшла до работы до Дмитра. Но сегодня она уже не ишла такъ весело до работы, бо въ сердцѣ ея былъ жаль противъ Дмитра.

Коли Олена увїйшла до хаты Дмитра, Дмитриха подивилась на Оленку бокомъ

и сказала: — Сегодня будешь на кухнѣ, бо есть десять работниковъ и потреба варити много.

Олена, якъ звичайно, знала свою роботу на кухнѣ и почала скоренько приготавляти до варенья, но щось сегодня не ишла ей робота такъ, якъ давнѣйше. Що зачне, то все ей недобре виходить. Съ трудомъ приготавила, она обѣдъ. Коли уже со вѣмъ ся управила и все было готове, тогда понесла обѣдъ на поле.

День былъ хорошій, весняный. Жайворонки одинъ напередъ другого спѣвали и возносились высоко къ небу, а потомъ стрѣлою спускались внизъ. Оленка дуже тѣшилась милымъ звукомъ тѣхъ ангельскихъ пташатъ, и на душѣ у ней стало веселѣйше. Такъ весело прійшла она на поле, где садили бараболю Дмитровы роботники. Олена розложила обѣдъ и покликкала роботниковъ. Роботники посѣдали и смачно страву за. стравую поѣдали, а Оленка сѣла коло нихъ и припрошувала, щобы ѣли, абы никто не былъ голодень. Роботники ѣдятъ, хвалятъ обѣдъ и говорятъ до Олены: «Вуде съ тебе добра господиня, знаешь зварити страву лѣпше, якъ Дмитриха».

Былъ тамъ одинъ старый роботникъ Стефанъ, хотя бѣдный, но дуже поважный человекъ, которого всѣ любили за тое, що онъ николи не любилъ говорити дурницъ, якъ другіи, а якъ говорилъ, то всегда до рѣчи. Той Стефанъ каже до Олены: — Олень, знаешь що я тобѣ скажу? — Якъ бы я былъ сыномъ Дмитра, я бы не пыталъ, чи ты бѣдна, але взялъ-бымъ тебе за жену... — Сказавши тѣ слова до Олены, онъ обернулся до Ивана, сына Дмитра, и громко заговорилъ: «Вотъ Иване, женись съ Оленою, а будешь мати першу господиню въ селѣ. Дѣвчина гарна, якъ рожа, що пары ей нема въ селѣ, а до того розумна и господарна. Не встыдайся, що она бѣдна сирота, а ты богачъ, но бери за жену, а Богъ дастъ тобѣ еще большій маетокъ, бо добра жена то неощѣниме богатство, а недобра жена — дьявольске несчастье».

Иванъ подивился на Стефана тай каже: «Я бы хотѣлъ съ нею женитися, но она мае тыхъ старыхъ старцунівъ и не хоче ихъ оставити...» — а по хвилѣ додалъ: «дурна дѣвка робить на нихъ, а не мае съ того жадной корысти».

Олена якъ почула такіи слова отъ Ивана, то сердце ей сильно забило и въ очахъ потемнѣло — мало що не упала на землю съ того болю, якій она мусѣла перенести отъ словъ Ивана.

Тымчасомъ роботники пообѣдали и пійшли до роботы, только остались Олена и Иванъ. Олена ничего до Ивана не говорила, только скоренько собирала миски. Иванъ, якъ звичайно богацкій сынъ, съ погордою каже до Оленки: — Чого молчишь и не говоришь? Що, чи тобѣ языкъ приросъ?

— Не маю, що говорити, бо ся спѣшу до-дому, — отповѣла смирно Олена. — Дома треба еще вечерю варити, такъ якъ я сама въ кухнѣ сегодня, понеже твоя мама хора и менѣ ничего не помагае.

— Не бойся, Олень, чортъ маму не возьме! — отвѣтилъ Иванъ.

Олена подивилась на Ивана и каже: — Не файно ты Иване говоришь на свою маму. Тажъ она тебе выгодовала и не одну ночь провела безъ сна коло тебе, бо якъ самъ знаешь, мама часомъ повѣдае, що ты малымъ былъ дуже плаксивымъ,

а теперъ ты кажешъ, що чортъ маму не возьме. То встыдъ такъ говорити.

— Ей ты дурна дѣвко, ты думаешъ, що каждый мусить такимъ дуриимъ быти такихъ старыхъ неробовъ шановати. Най здыхають и не заваджають молодымъ.

Олена тымчасомъ посбирала все, захопила на плечи и скоро пошла до-дому, щобы не говорити больше съ Иваномъ.

Повернувши до-дому, застала Дмитриху въ кухнѣ. Дмитриха подивилася криво на Оленку и пошла до другой комнаты. Оленцѣ было то страшно немилу, и она просила Бога, щобы якъ найскорше дочекати вечера, а она больше не приде на роботу до Дмитрихи. Съ тою думкою она рбила до вечера.

Поприходили съ поля роботники. Оленка скоро дала вечерю, и коли роботники повечеряли, Оленка помыла начинья, поскладала все до порядку и пошла до-дому.

Прибѣгла до хаты, кинулась на шею Татьянѣ и съ плачемъ каже: «Мамо, не покину я васъ, хйба помру, но до Дмитра больше на роботу не пйду, бо сегодня Иванъ казалъ менѣ, щобы я покинула васъ и онъ мене возьме за жену». При тѣхъ словахъ Олена поцеловала Татьяну и сама скоро начала собиратись въ церковь, такъ якъ то былъ страстный четвергъ, и Оленка хотѣла скоро быти въ церкви и помолитись Богу.

Выйшла Оленка пзъ хаты, щобы ийти въ церковь, и снова весело стало на душѣ. Иде она скоренько, поминула уже чотыри хаты и доходила уже до хаты Дмитра, якъ наразъ переступае ей дорогу якійсь панъ и говоритъ: «Въ которой хатѣ живе Никола Криворукий?»

Оленка показала ему хату и сама хотѣла съ нимъ вернутись, по потомъ рѣшила, що треба напередъ пойти въ церковь и помолитись.

Оленка помолилася въ церкви и скоренько повернула до-дому. Коли вошла въ хатчину, застала того пана, що сидѣлъ коло стола и щось говорилъ съ Николаемъ. Олена сноглянула на него и якъ то сразу полюбила его, но и панъ, который говорилъ съ Николаемъ, не могъ очей спустити съ Олены. Куда Олена не повернеся, онъ все очами за нею, такъ що самъ Никола то замѣтилъ и сказалъ Оленѣ, щобы уже ишла спати.

Коли Олена вышла изъ хаты, панъ почалъ пытатися Николы: — Чи то ваша донька, господарю?

Никола сталъ оповѣдати, що то не его родна донька, а що онъ принялъ ю, якъ сироту пятилѣтню. Онъ оповѣдъ и о томъ, що у него было пятеро дѣтей — чотыри доньки и одинъ сынъ. Дѣвчата всѣ померли, а сынъ пйшолъ на войну и нйкой вѣсти о немъ нема. При тѣхъ словахъ Никола горько заплакалъ и каже: — Счастье мое съ той дѣвчины, котора тяжко працуе и насъ старыхъ утримуе, бо хотяй случаются ей добры женихи, на она не хоче насъ старыхъ оставити.

Тутъ и тотъ незнакомый панъ не могъ дальше выдержати, а прискочилъ до Николая, обнялъ его и съ плачемъ сказалъ: — Тату, я вашъ сынъ Петро, съ которымъ вы осемнадцать лѣтъ минуло вчера ся прощали.

И заразъ началъ онъ пытатися, где мама. На тїи слова стара Татьяна отворила двери, бо возвращалась изъ церкви, и вошла въ хату. Никола, якъ побачилъ Татьяну въ дверяхъ, отразу скрикнулъ: — Татьяно, нашъ Петро прїишолъ изъ войска!

Стара мати, побачивши якогось пана, гарно убранного, прїостала при дверяхъ, бо не знала, чи вѣрити словамъ Николы, чи нѣтъ. Однако Петро кинулся мамѣ на шею, притиснулъ до себе и каже: — Мамо, то вы мене не познаете? Тажъ я вашъ сынъ Петро!

Старенька Татьяна не знала, що то есть — чи то сонъ чи на яву, и съ радости сплакнула.

Теперь настала велика радость въ домѣ Николая. Татьяна прикликала Оленку и сказала ей: «Оленко, то нашъ сынъ Петро, за которого мы вчера нанимали панихиду, бо мы мали его за умершого, а теперь онъ воскресъ». Петро повитался съ Оленою, ирityгнулъ до себе и поцѣловалъ ю въ лице.

На другїй день — то была Велика Пятница — всѣ повставали раненько и пойшли до церкви помолитись коло гроба Христа Спасителя. Коли вернулись изъ церкви, Петро сказалъ родичамъ: — Я бы хотѣлъ поѣхати до мѣста Куть где-що на Пасху купити, такъ якъ я вижу, що у васъ нема ничего въ хатѣ — така бѣднота, що ажъ морозъ по тѣлѣ переходитъ, якъ я ся дивлю на тую родную хатчину.

По тѣхъ словахъ Никола и Татьяна собралися до мѣста, а Оленка осталась дома. Петро въ мѣстѣ накупилъ всего, що ино потреба было до такого великого праздника, тай не забылъ и про Оленку, бо купилъ ей гарну одежду на Пасху.

Олена дома сидѣла, а думки головою переходили одна по другой. То думаетъ про Ивана, Дмитрового сына, то про Петра, ажъ тїи думки перервалъ гуркотъ воза, который заѣхалъ на обїистѣ Николы. Олена поглянула до окна и побачила, що тѣмъ возомъ прїѣхали Никола, Татьяна и Петро. Тое Оленку дуже здивувало и она подумала собѣ: «Петро мусить мати гроши, коли нанялъ фѣру», и выбѣгла изъ хаты помагати съ воза собирати.

Коли все собрали и занесли въ хату, Петро вытягнулъ гроши и заплатилъ за фѣру. Потомъ всѣ увїйшли въ хату. Петро найшолъ одежду, котору купилъ для Оленки, и сказалъ съ усмѣхомъ: «Оленко, я купилъ тобѣ одежду на Пасху, а по Пасхѣ то куплю на весѣлье... Добре?»

Оленка покраснѣла, а сердце забилося, наполнение жаромъ любви до Петра.

Коли они такъ розбирали привезенный товаръ, до хаты входитъ Иванъ, сынъ Дмитра, поздоровляе всѣхъ и просить, чтобы Олена завтра прїишла помагати Дмитрихѣ печи пасхи. Олена ему ничего не отповѣла, такъ якъ еще въ середу собѣ постановила, що больше до Дмитра на роботу не пїйде. И дѣйстно, то былъ послѣдній день, который Олена робила у Дмитра.

На другїй день, коли Олена не пришла на роботу, прибѣгаетъ передъ полуднемъ, Дмитро, сталъ передъ окномъ и кричить. Коли на его крикъ вїйшолъ Никола, Дмитро началъ его ругати, чому Олену не пустилъ на роботу. Никола отвѣтилъ, що сегодня Оленка не могла пїйти на работу помагати печи пасхи Дмитрихѣ,

бо мусить собѣ печи пасхи. Дмитро, якъ звычайно богачъ, накричалъ на Николу и сказалъ, щобы ему отдалъ двѣ шѣстки, которы Никола взялъ у него на роботу. Никола вытягъ двѣ шѣстки и подалъ Дмитру, а самъ вернулся до хаты. Дмитро нагрозилъ кулакомъ Николѣ, що больше уже у него ничего не достане, и пійшолъ быстро своею дорогою.

Никола, вернувшись до хаты, сказалъ: «Мусѣль-емъ Дмитрови оддати двѣ шѣстки и теперъ менѣ загрозилъ, що больше менѣ ничего не дастъ на отробокъ».

Петро усмѣхнулся и отповѣль: — Онъ правду сказалъ, що вамъ больше ничего не дастъ на отробокъ, бо вы больше у него пожнчати не будете. Я не потребую, щобы вы ся журили передновкомъ, а и Оленка до него больше на роботу не пійде.

На тѣи слова Оленка подивилась сердечно на Петра и подумала: «А може Петро направду со мною ся оженитъ. Вотъ якъ бы я то была счастлива. Я бы не мусѣла покидати старыхъ родичей». Отъ тѣхъ мыслей жаль стисъ Оленку за сердце, що слезы покотились изъ ея очей.

Никола, которій былъ тогда въ хатѣ, увидѣль, що Оленка заплакана, и заразъ почаль пытайся, чого она плаче. Оленка сказала, що теперъ мусить покидати ихъ, понеже они уже мають такого, що буде имъ помагати до житья. «А я бѣдна сирота остаюсь, якъ былина въ полѣ», — говорила съ плачемъ Оленка.

— Не бойся, моя дитино, — сказалъ Никола: — я тебе отъ себе не пушу теперъ, бо я съ тобою ся свыкъ, якъ съ родною дитиною, и ты была для мене подпорою уже чотыри роки, бо ты своею працею отримувала насъ старыхъ. И теперъ, коли Богъ вернулъ менѣ сына, я тѣмъ больше тебе не пушу, а будешь у мене, якъ была...

Тую бесѣду перервалъ Петро, который увійшолъ до хаты и сказалъ, щобы идти до церкви на повечеріе.

На другій депъ, коли отспѣвалп «Христось Воскресе» и посвятили пасхи, повернули до-дому. Скоро позасѣдали за столъ и Никола заспѣвалъ «Христось Воскресе» и сказалъ: «Осемнадцать лѣтъ, якъ я не малъ такой веселой пасхи, но я бы хотѣль, щобы и наша Оленка была весела, такъ якъ она нынѣ щось засумована. Если ты, Петре, не маешь ничего противъ, а бы хотѣль мати Оленку за невѣсту.

Петро весело отвѣтилъ: «Если только Оленка годится, то я готовъ въ каждый часъ».

Тогда Оленка выгягнула писанку, подала Петрови и сказала «Христось Воскресе!»

Петро отповѣль: «Воистину воскрес!»

Никола взялъ Петра за руку, покликать Оленку, взялъ ю тоже за руку и сказалъ: «Я вашъ тато, а вы мои дѣти, и я благословляю васъ подъ вѣнецъ, сегодня, бо хочу мати еще больше радости, бо буду видѣти передъ собою сына и невѣсту».

Петро и Олена поцеловали Николу въ руку и съли ѣсти пасху.

Въ недѣлю Оомину священникъ выголосилъ перву заповѣдь Петрови съ Оленою.

Коли почули въ хатѣ Дмитра, що Олена отдаесть за Петра, Дмитро дуже жаловалъ за ней, такъ якъ онъ только малъ надѣю, що одна Олена смогла бы стримати его сына. Дмитриха жаловала также, що не зможе хорошей газдыни достати до своего дому. Съ того пришло между Дмитромъ и женою до сварки.

— Я еще рокъ назадъ, — сказалъ Дмитро: — хотѣлъ Ивапа женити съ Оленою, но ты всегда говорила, що Олена ничего не мае и буде встыдъ брати безъ вѣна невѣстку.

Но кто найбільне жаловалъ за Оленою, то Иванъ, который любилъ Олену. Одного разу здыбалъ онъ Олену и почалъ ей говорити, чтобы отказалась отъ Петра и вышла замужъ за него. Но Олена отвѣтила ему, що о томъ и рѣчи не може быти.

— Ты не хотѣлъ, чтобы я брала старыхъ родичей съ собою, а я не хотѣла ихъ оставити на произволъ судьбы, и теперь, коли Петро повернулъ, я тѣшусь, що буду коло нихъ и они коло мене. А чтобы я тѣшилась богатствомъ, то богатство менѣ байдуже, такъ якъ до могилы богатства никто съ собою не забере».

Иванъ видѣлъ, що Олена не откине Петра, и больше до ней не говорилъ. На другу недѣлю священникъ выголосилъ перву заповѣдь Иванови. Онъ засваталъ на другомъ селѣ дѣвку одного богача. На Зелены Свята отбылся слюбъ Петра и Олены и въ тотъ же день слюбъ Ивана и Маріи, доньки Микити Климаря изъ другого села.

Всѣ люде въ селѣ хвалили Николу за то, що взялъ Олену за невѣстку. А Петро оженившись, почалъ глядати, где бы покупити поле и начата господарку на землѣ, такъ якъ онъ дуже любилъ господарити тай и зналъ, якъ господарити, бо былъ долги въ Франціи и тамъ научился, якъ ту землю обрабляти. И нежданно трафилась Петру хороша случайность. Былъ въ селѣ одинъ дуже богатый жидъ — Мошко Штайпбрехеръ, а що былъ уже дуже старый, то задумалъ выѣхати до Святой Земли, до Палестины. Онъ малъ много поля и передъ отѣздомъ то поле выставить на продажу. Петро, довѣдавшись, що Мошко поле продае, зайшолъ до него и безъ долгихъ торговъ купилъ все господарство, которе складалось изъ 115 морговъ поля, будынковъ и 45 штукъ худобы. Петро за то все заплатилъ жиду двадцать одну тысячу золотыхъ и сталъ первымъ господаремъ въ селѣ.

На другій день по подписанью контракту Петро перейшолъ до хаты, где жилъ раньше Мошко. Коли привела хату до порядку, покликать священника и посвятилъ хату и цѣле обійсть. Такъ началъ Петро господарити на своемъ новомъ господарствѣ. И такъ взорцево подарилъ, що потрафилъ два раза больше съ поля вытягнути, якъ другіи могли. Люде почали переймати отъ Петра новы способы и поволи цѣле село улучшало свое господарство.

Въ селѣ Петра любили всѣ люде, а найбільпе для того, що онъ николи не любилъ пустого гонору тай и бѣдного не кривдилъ, якъ другіи богачи. Коли

пришли выборы до рады громадской, Петра выбрано за вѣта.

Теперь Петро сталъ заводити новы порядки въ цѣломъ селѣ. По его предложенію и за его стараніемъ въ селѣ были побудованы школа, читальня и братство тверезости.

Петро съ Оленою жили въ счастливой супружеской любви. До двухъ лѣтъ родился имъ сынъ, которому Петро далъ имя Николая, щобы почтити своего старого отца, И отецъ и мати дуже тѣшились, що на стары роки Богъ далъ имъ дождатися внука.

Но якъ каждый человекъ мае своихъ вороговъ, такъ и Петро не былъ исключеніемъ. Онъ малъ одного завзятого врага, а былъ нимъ Дмитро Палійчукъ. Дмитро былъ богачъ надъ богачами и потому не любилъ, щобы ктось отъ него былъ богатшимъ, и где лишъ могъ, старался шкодити Петру. Про Петра онъ всегда съ погордою говоритъ: «Вотъ дѣдъ, а теперь хоче мене перегнати въ богатствѣ». Но треба знати, що Петро, якъ малъ еще 14 лѣтъ, то служилъ у Дмитра ажъ до часу, пока его не взяли до войска, и неразъ перше Дмитро згадовалъ про него, що былъ добрый хлопецъ, якого онъ уже отъ того часу не мае. Однако, Дмитро не могъ того снести, що колишній его слуга сегодня богатшій отъ, него, и тому то на каждомъ кроцѣ, где только могъ, робилъ пакости Петрови.

Въ той злости Дмитро нанялъ одного разу пять хлопцевъ-збыточниковъ, щобы на Петровомъ полѣ выкосили ночью молоду кукурузу, котора только що починала цвѣсти, думаючи, що якъ Петрови скосятъ три морги кукурузы, то онъ троха съубоже. И такъ одной темной ночи, коли троха падалъ дождь, пійшли хлопцѣ и скосили Петрови найкрасшіи три морги кукурузы. Ранкомъ дали Петрови знати, що на Рогізнь — бо такъ звали то поле — вся кукуруза выкошена. Коли онъ выйшолъ на свое поле, то жалко было дивитись на то: такъ по дьявольски было знищено. Но що робити... злобна рука то сделала и пропало.

Но всетаки Петро далъ знати жандармамъ, и жандармы почали слѣдити, но не могли нигде ничего подыбати и перестали на якійсь часъ. Ажъ зимою почали снова потихоньку слѣдити, но слѣдство было уже больше хитре. Вахмистръ жандармеріи взялъ одного жандарма изъ другого постерунку, которого въ селѣ С. не знали, казалъ ему прибратися по хлопски и нанятися на роботу молотити сбоже въ томъ селѣ. Штука удалась дуже добре, бо молодой жандармъ былъ господарскій сынъ и зналъ добре молотити. Коли пришолъ до села, то заразъ сталъ до одного господаря на роботу, а що былъ добрый умолотникъ, то тотъ господарь его трималъ два тыждни, а потомъ сказалъ Петрови, щобы его взялъ до себе. Петро зналъ добре, що то за молотникъ, но потреба такъ вымагала, щобы Петро взялъ его до себе.

Коли жандармъ жолотилъ въ селѣ, то все вечеромъ заходилъ до корчмы, где было пару неробовъ, що сидѣли день и ночь у Янкля и чекали, где бы кто купилъ имъ келишокъ горѣлки, Жандармъ, якъ сталъ туда заходити, то всегда тѣмъ неробамъ куповалъ горѣлки и такимъ сталъ пріятелемъ тѣхъ неробовъ, що они одного разу при пятацѣ порадились съ иимъ, щобы где-що украсти и продати, бо приходятъ свята Рождества Христова и треба буде погуляти.

Коли жидъ почувъ, що они всѣ уже ся годять, то далъ еще кварту горѣлки, сѣлъ

коло нихъ и почаль забирати слово въ злодѣйской радѣ. — Знаете що, хлопцѣ, що я скажу... я маю на Буковинѣ брата — онъ есть гандляръ конями, и теперь, коли Черемошъ замерзъ, легко буде перевести коней на Буковину, а съ Буковины на Венгры и тамъ уже пропало.

На тѣ слова Янко — бо такъ было имя того жандарма — ажъ подскочилъ и крикнулъ: — Добра рада, хлопцѣ!

Такъ всѣ ся згодили, що треба гдесъ украсти кони, чтобы на свята добре погуляти, а уже за кони будутъ добры свята. Янкель который былъ потайнымъ ворогомъ Петра, вмѣшался снова до бесѣды и сказалъ: — Знаете що, хлопцѣ, тутъ есть кони, за которы я самъ вамъ даю 200 злотыхъ, если вы ихъ украдете.

Всѣ ажъ ротъ розинули отъ удивленія, коли почули, що Янкель дастъ 200 злотыхъ за кони. А Янкель, якъ звичайно жидъ, потрясъ цѣцилы, покрутилъ пейсы, погладилъ бороду и ажъ такъ почаль говорити: — Тутъ есть три пары коней: перша пара есть гарны сивы, явъ голуби, кони у Петра; друга пара у Василя Смѣльчака — молоды, черны, якъ вороны; а третья пара есть у Софрона Яремы. Котору изъ тѣхъ паръ, коней вы бы не украли, то я дамъ вамъ 200 злотыхъ за нихъ.

— Що до Петровыхъ, — замѣтилъ Яковъ Клопотайло: — то у Петра трудно украсти бо у него цѣле обійстьє окладено высокимъ парканомъ и брама ся добре замыкае, а до того суть два дуже злы псы. Найлегче украсти кони у Василя Смѣльчака, такъ якъ у него стаиня позади хаты и я знаю, якъ ся розмыкае, а его песъ мене знае и я могу пса притримати, поки други не выведутъ коней. До того еще Василь мешкае надъ самою рѣкою и не треба вести коней дорогою, а просто въ лугъ и черезъ лѣсъ на другой бокъ и уже въ Буковинѣ.

Всѣ неробы похвалили тотъ планъ и на другій вечеръ врадили ийти заберати кони, якъ только буде падати снѣгъ, чтобы покрылъ слѣды за конями.

Къ нимъ отозвался еще разъ Янкель и сказалъ: — Такъ я маю стары залубни, только треба завтра здоймити ихъ со стрыху, и я маю также упряжь. Вы вечеромъ потягнете залубни до лугу, потомъ пойдете по кони, запряжете ихъ до залубней и такъ пойдете на Буковину, що никто не буде подозрѣвати, що вы ѣдете краденными коньми. Однако, якъ будете ѣхати, то чтобы вы не ѣхали дуже скоро, бо знаете, що жандармы часомъ того, кто ѣде скоро, затримують. Отожь треба ѣхати осторожно черезъ село Ч., а якъ выѣдете на гору за село, то багнами до Б. можете ѣхати уже скоро, такъ якъ тою дорогою жандармы теперь не ходять, бо то лѣса и поле, ажъ въ Б. снова треба ѣхати помалу. Ты Яковъ уже знаешь, якъ ѣхати, бо ты ѣхалъ туда неразъ и не два, тебе не треба учить...

— Ну добре, — каже жандармъ Янко: — намъ треба тутъ сговорится, кто поиде за коньми.

— Ну кто... Яковъ и Федько, а вы будете коло залубень и Стефанъ коло залубень..

— Знаете, що я вамъ скажу, — говоритъ дальше Янко: — я не изъ вашего села и если я не буду цѣлу ночь у Петра, то на мене упаде подозрѣнїе. Лучше буде, чтобы я цѣлый день молотилъ. По вечерѣ я пойду спати и если бы ктось кинулъ

на мене подозрѣніе, то Петро ся за мною заступить, якъ свѣдокъ, а такъ могутъ мене чепатися, якъ бы я не былъ дома у Петра и самъ Петро може на мене подозрѣніе зробити, а такъ я останусь у Петра и буду знати, що и где будутъ жандармы робити, и буду только вамъ доносити рапорты.

Всѣ одобрили бесѣду Янка, а Янкель поплескалъ его по рамени и сказалъ: — Вотъ, то розумно придумано!

На другой вечеръ все было готово. Залубни со стрыху сняли, прирыхтовали упряжь и нетерпеливо чекали до вечера, а Янвель только доносилъ то горѣлки, то пива. Янко цѣлый день молотилъ у Петра. По вечерѣ онъ сказалъ, що хоче напитися пива, и поишоу до корчмы. Якъ иршшоу туда, всѣ товарищи сидѣли за столомъ и пили. Янко выпилъ двѣ шклянки пива, ножелалъ товаришамъ успеха и повернулъ до-дому тай лягъ спати.

Еще ся добре не розвиднѣло, якъ до хаты до войта Петра увійшоу Василь Смѣльчакъ майже съ плачемъ и говоритъ, що той ночи украли у него кони. Коли Василь еще говорилъ, до дверей кто-то запукалъ. Петро отворилъ двери, и въ хату увійшоу вахмистръ жандармеріи. Петро розсказалъ, що сталося. Вахмистръ списалъ протоколъ и сказалъ, що сейчасъ дае телеграммы на всѣ стороны, чтобы уважали на такіи кони. Потомъ вахмистръ поишоу до другой комнаты, где спалъ Янко. Тотъ розсказалъ ему все, якъ ся рѣчь мае, и сказалъ, где на которой дорогѣ мае жандармерія сокотити, бо тіи кони пойдутъ на Венгры.

Вечеромъ Янко поишоу до Янкля, где уже чекали на него всѣ злодѣи. Всѣ дуже утѣшились его приходу, а Янкель першій почалъ пытатися, що чувати.

— Нового не чувати ничего какъ много, — отвѣтилъ Янко: — только Петро войтъ говорилъ, що онъ мае подозрѣніе на Янкля и тѣхъ, що всегда у Янкля сидятъ.

На тіи слова Янкель задрожалъ изъ злости, поскубалъ бороду и почалъ грозити Петрови. Потомъ выбѣгъ до шинку, принесъ кварту горѣлки и сказалъ: — Вотъ, хлопцѣ, пейте и думайте, що зробити съ тѣмъ Петро.

Хлопцѣ налили горѣлки и почали пити. Якъ троха подпили, почали радити, якъ Петрови пакость сдѣлати. Стефаиъ, который былъ найстаршій межи ними, почалъ говорити: — Треба Петра пустити съ дымомъ, най стане жебракомъ, то ся успокоить.

Снова Федоръ предложить, чтобы на Петра засѣсти при дорогѣ и поколотити, а отъ случая и убити, бо Петро такой богачъ, що одинъ пожаръ ему великой шкоды не зробить. «Онъ возьме гроши изъ банку и поставитъ себѣ еще лучшу хату и буде ся смѣяги такъ, якъ и лѣтомъ, коли мы выкосили ему кукурузу, то онъ сказалъ, що то мала шкода. А Дмитро намъ до сихъ поръ не заплатитъ за нашу роботу».

Янко слухалъ всего того съ великою увагою, а оттакъ сказалъ: — Чому вы ся не упоминаете у Дмитра, чтобы вамъ заплатилъ за тое, що вы скосили Петрову кукурузу.

— Если Дмитро не заплатитъ намъ за ту работу, — говоритъ Стефапъ: — то мы

ему зробимо еще больше шкоды, якъ Петрови, бо и Дмитра пустимо съ дымомъ.

Въ той хвилѣ въ корчму войшолъ вахмистръ жандармеріи, и всѣ перестали говорити, только всѣмъ морозъ пошолъ по шкорѣ, бо якъ кажуть, на злодѣѣ шапка горить.

Вахмистръ оглянулъ всѣхъ піяковъ, подивился ближе на Янка и спросилъ: — А ты откуда и якъ ся называешь ?

Янко нѣбы ся стрясъ и почалъ говорити: «Я роблю у нашего начальника и зайшолъ сюда выпити пива».

Янкель, якъ то звычайно жидъ, починае Янка хвалити, що то дуже порядный человекъ. Вахмистръ далъ спокой Янкови, подивился еще разъ по комнатѣ и по всѣхъ злодѣяхъ піякахъ и выйшолъ изъ корчмы.

По уходѣ вахмистра злодѣи продолжали свою нараду. Янкель принесъ еще имъ горѣлки и пива: — Ну хлопцѣ такъ що вы урадили?

Піяки почали всѣ свои проекты предлагати. Янкель выслухалъ всѣхъ и потомъ говоритъ: — Найлучшій планъ то у Стефана: запалити Петра, нехай згоритъ, а выбудуе нову хату, то снова спалити и то треба палити въ осени, коли все съ поля буде собрано. Отожъ и теперь, коли Петро молотить сбоже, треба его спалити. Онъ на весну поставитъ новы будынки, а осенью можно буде снова спалити. Такъ помалу и онъ сьубожѣе.

Янкель налилъ горѣлки и выпили и постановили Петра спалити, якъ только Янкель достане такой кнотъ, который долго горить.

Такъ начали выбирати, кто мае Петра спалити. Рада въ раду всѣ урадили, що треба vybrати одного. Янкель перервалъ имъ и каже: — Янко молотить сбоже у Петра, то буде наилучше, если онъ ту роботу зробить. Я поѣду до мѣста и куплю кнотъ, що долго горить, и дамъ Янкови, а Янко, коли буде идти спати, запалитъ кнотъ и вопхае въ стрѣху. Кнотъ буде горѣти полгодини, а за полгодини всѣ уснутъ и никто не буде мати жадного подозрѣнія на насъ.

Всѣ одобрили раду Янкля, и Янко згодился то зробити, Янкель еще налилъ квартиру горѣлки, злодѣи выпили и пойшли домой спати, а Янкель ажъ съ радости потанцовалъ по хатѣ, що такъ мудро придумалъ.

На другой день пойшолъ до мѣста и купилъ палючій кнотъ. Вечеромъ далъ его Янкови. Янко взялъ кнотъ и сказалъ, що завтра вечеромъ спалитъ Петра. Янкель еще почествовалъ его горѣлкою и такъ розстались.

Коли Янко вернулъся до хаты Петра, то засталъ тамъ двухъ жандармовъ, которы чекали на него, бо были съ нимъ порозумѣніи. Они сковали его и пойшли съ нимъ просто до корчмы до Янкля. Коли жандармы ввели скованного Янка, жидъ поблѣдъ и удаючи, що ничего не знае, почалъ пытатися, за що Янка сковали. Тогда одинъ изъ жандармовъ отворилъ двери той комнаты, где вѣчно пересиджовали злодѣи, поковалъ всѣхъ и выйшовши назадъ, сковалъ Янкля и повелъ всѣхъ до мѣстечка Куты, до тюрмы. Въ тюрма каждого дали въ особну камеру.

Янка взяли сейчась на постерунокъ жандармеріи, где онъ розказалъ все подробно, якъ онъ потрафилъ подойти Янкля и его піяковъ и такимъ способомъ узналъ не только, кто скосилъ кукурузу Петрови, но и другіи важны дѣла пооткрывалъ.

На другій день Василь Смѣльчакъ съ однимъ жандармомъ поехали до Б., на Буковину, по кони до брата Янклевого Гершка. Коли пріѣхали до Гершка, то застали его, якъ красилъ кони на червоно. Жандармъ сковалъ Гершка и забралъ съ собою, а Василь Смѣльчакъ поѣхалъ съ коньми до-дому. Въ тотъ самый часъ, коли жандармъ привезъ Гершка до тюрьмы, другой жандармъ привелъ Дмитра Палійчука, арестованного за намову сельскихъ парубковъ до выкошенья кукурузы Петра.

Въ три місяцы позднѣйше судъ въ Коломыгѣ засудилъ Дмитра Палійчука на два роки тюрьмы и зворотъ Петрови страты за выкошенну кукурузу въ суммѣ, 700 ринскихъ. Янкель Клигеръ получилъ 10 дѣтъ тяжкой тюрьмы за преступленія злодѣйства и намовы, щобы спалити Петра; Стефанъ Безрукій получилъ 5 лѣтъ; Федоръ Непійвода 4 роки, Николай Зелинскш 4 роки, а Агафій Церковный и Иванъ Горохъ по 3 роки. Янко ставалъ свѣдкомъ передъ трибуналомъ и доказалъ по правдѣ все, якъ было.

Петро, коли посбылся вороговъ, началъ дальше працювати надъ иоднесешемъ села. Янкелева Сура забралася до мѣста, и корчма осталась пустою, такъ якъ люде возненавидѣли то мѣсто, где ковалася всяка злоба. Дмитрова жена, якъ Дмитра засудили, такъ съ того зажурилась, що захоровала и умерла. На господарствѣ остался самъ Иванъ съ женою. Иванъ былъ челоувѣкъ, лукавый, а до того еще лѣнтяй, и гоподарство до двухъ лѣтъ упало на половину.

По двухъ лѣтахъ, коли Дмитро вернувся изъ тюрьмы, засталъ свое господарство на половину разореннымъ и съ того стыду пошолъ до стодолы и повѣсился. Иванъ сталъ господарити дальше. Гроши, якіи ему отецъ полишилъ, скоро прогулялъ и почалъ уже пожичати. Жиды съ початку гроши давали, сколько Иванъ хотѣлъ. Но потомъ, коли видѣли, що Иванъ долгу не отдае, почали его тягати по судахъ. Черезъ процессы Иванъ впадалъ еще больше въ долги, и дошло до того, що его грунтъ жиды пустили на лицитацію. Коли пришолъ день лицитаціи, Петро явился неожиданно до суду и купилъ цѣле господарство Ивана, хотя жиды старались маетокъ купити и выгнали высоко цѣну.

Коли Петро купилъ Иваново господарство, Иванъ почалъ плакати и просити, щобы ему Петро оставилъ четверть морга поля и хату, щобы малъ где мешкати. Но Петро не былъ такимъ, щоби ся тѣшити бѣдою другого. Петро былъ челоувѣкъ милосердный и хотѣлъ, щобы каждый чело жплъ добре и въ достатку. Коли насталъ день, що Иванъ малъ ся выносити изъ хаты, послалъ Петро слугу, щобы Иванъ и его жена пришли до него.

Иванъ, увидѣвши слугу Петра, выбѣгъ изъ хаты и пытаеся: — Що нового скажешъ, Василю?

Василь былъ хлопецъ 18 лѣтъ, уже розумный и каже до Ивана: — Знаешъ що Иване... мене Петро послалъ до тебе, щобы ты и твоя жена пришли до него, бо онъ хоче щось съ вами говорити.

Иванъ вернулся до хаты, сказалъ женѣ и сейчасъ пошли обое до Петра. Коли увійшли до Петровой хаты, на столѣ стояла готова страва. Оленка сказала Иванови и его женѣ, щобы сѣли, а заразъ прійде Петро. За минуту увійшоць въ хату Петро, поздоровилъ Ивана и его жену и попросилъ ихъ щобы сѣли за столъ до снѣданья.

Иванъ съ женсю сѣли за столъ, поснѣдали и поблагодарили за страву. По снѣданью каже Петро до Ивана: — Знаешь що Иване, завтра ты маешь ся выбирати изъ своей батьковщины, но менѣ жаль тебе и я прикликалъ тебе сегодня до своего дому, щобы съ тобою где що о томъ поговорити. — Коли тебе еще на свѣтѣ не было, я служилъ у твоего дѣда, бо тогда еще твой дѣдо былъ господаремъ, а тато то еще не господарствъ самъ. Отожъ я въ той хатѣ, котору ты маешь завтра оставити, пережилъ семь лѣтъ, и тая хата менѣ така мила, якъ и тобѣ. Дятого я постарался, щобы тую хату не купили жида и не опоганили христианской хаты. Твой дѣдъ былъ для мене, якъ бы родный отецъ, а твой покойный тато то былъ для мене братъ. Но покойный твой тато не любилъ, щобы ктось былъ богатшій отъ него, и за то Богъ покаралъ его. Теперь ты стратилъ весь свой маетокъ и попалъ въ бѣду, то я хочу помочи тобѣ, насколько могу. Я лишаю тобѣ маетокъ нетронутымъ, однако хочу, щобы ты далъ менѣ слово, що будешь честно отъ теперь господарити за порадою моею. Если ты будешь добре господарити, то я тобѣ подарю тѣ гроши, які я заплатилъ за твой маетокъ, но хочу, щобы ты былъ частнымъ и працьовитымъ человекомъ. Однако если ты не поправишься, то я будь-коли прожену тебе съ твоей батьковщины. Я їду сегодня до мѣста до суду, бо сегодня маю решту грошей сложити, такъ и ты поѣдешь со мною до суду и мы зробимо контрактъ такъ, якъ я тобѣ тутъ говорю.

Петро запрягъ кони, взялъ Ивана и его жену и всѣ трое поѣхали до мѣста. Коли Петро объяснилъ судьѣ, якъ онъ хоче сдѣлати съ маеткомъ Ивана, судья дуже утѣшилсѣ и похвалилъ Петра за его геройскій поступокъ. Такъ подписали контрактъ, на пять лѣтъ. Еслц до пяти лѣтъ Иванъ буде господарити подъ проводомъ Петра, не буде пити, а буде ся старати придбати еще больше маетку, то по пяти лѣтахъ господарство буде належати до Ивана безъ звороту грошей Петрови. Однако если бы Иванъ подарилъ не добре и не слухалъ Петра, то по пяти рокахъ Петро забере маетокъ.

На такую угоду подписались Петро, Иванъ и Иванова жена. Иванъ пе зналъ, що съ нимъ дѣся, чи то ему снится, чи на явѣ. Коли повернули до-дому, Иванъ съ женою упали на колѣна передъ иконою Спасителя и дяковали Всевышнему за ласку, яку послалъ имъ, що змогутъ остатися на своей батьковщинѣ.

Того дня постановить собѣ Иванъ, що въ его хатѣ горѣлки больше не буде, а самъ онъ буде жити такъ, щобы давати добрый примѣръ и другимъ людямъ. Тоже постановилъ собѣ во всемъ слухати Петра.

И дѣйстно отъ того дня Иванъ пересталъ пити и почалъ щиро працьовати. Подъ руководствомъ и при помощи Петра онъ почалъ свое господарство поправляти. Петро не жаловалъ времени, а заходилъ часто до Ивана и оповѣдалъ ему, якъ то по чужихъ краяхъ люде господарять и які корысти тягнутъ изъ господарства.

До пяти лѣтъ, назначенныхъ въ контрактѣ, Иванъ сталъ совершенно другимъ человекомъ и вторымъ господаремъ въ селѣ по Петрѣ. Поле Ивана было добре,

и онъ могъ провадити на немъ господарку такъ же взорцево, якъ провадилъ Петро на своемъ. По пяти лѣтахъ Иванъ малъ ся добре и хотѣлъ вернути Петрови тѣи гроши, що онъ далъ за его маетоку на лицитаціи, но Петро отвѣтилъ: — Тыхъ грошей я не хочу, а если ты ихъ маешь, то дай ихъ межи бѣдныхъ такъ, якъ и я тобѣ подаровалъ.

Но вернемся до Николы. Недолго тѣшился Никола счастьемъ своихъ дѣтей, такъ якъ старость не позволила ему на тое. Прожилъ съ Петромъ еще семь лѣтъ и тѣшилсл, що бодай на стары роки его Богъ не опустилъ, а вернулъ ему того, которого онъ любилъ надъ все въ своей жизни. Татьяна жила еще два роки по смерти своего мужа, но на старость ослѣпла. Олена была для ней всегда милосердна и додержала своего слова, що не опуститъ своихъ кормителей ажъ до смерти.

Петро съ Оленкой жили счастливо, и Богъ иоблагословилъ ихъ дѣточками: двома хлопчиками и двома дѣвчатами. Тѣшились ними Петро и Олена, коли подросли. Петро далъ старшого сына до школы до мѣста, а меньшій ходилъ въ сельску школу.

Коли старшій сыновъ Николай выходилъ мѣйску школу, Петро далъ его до гимназіи въ Коломыѣ. Никола съ отличіемъ скончилъ гимназію и поѣхалъ на права. Не окончивши университета, онъ поѣхалъ до Россіи, где завершитъ свои студіи. Но несчастье хотѣло, що Никола былъ въ Портъ-Артурѣ разомъ со своими товарищами на вакаціяхъ, якъ разъ въ тотъ часъ, коли выбухла японска война. Другіи товарищи пошли въ армію, такъ и Николай, не желяючи отставати отъ другихъ въ патріотизмѣ, записался въ армѣю. Тамъ въ часѣ бомбардированія крѣпости японцами Николай былъ убитый разрывомъ гранаты. Его похоронили на далекой чужинѣ, а Петро и Олена, довѣдавшись о трагической кончинѣ Николая, ревно отплакували своего доброго сына.

Теперь у Петра остался одинъ сынъ Юрій, который также ходилъ до гимназіи. Петро уже постарался, но для своего сына не жаловалъ ничего. Однако Юрій не былъ той натуры, що Николай, его братъ. Юрій былъ беспокойный, шаловливый збиточникъ. Онъ не хотѣлъ слухати отца, а робилъ тое, що самъ хотѣлъ. Коли Юрко окончплъ седьмой классъ гимназіи, тогда якъ бы на глумъ Трильовскій закладалъ свои «Січи» по Коссовскомъ повѣтѣ. Юрко, не слушаючи своего тата, почалъ ходити по селахъ и организовати партію украинскихъ радикаловъ, тай занедбалъ науку, а потомъ еще его выкинули пзъ гимназіи за политику. Коли онъ прійшолъ до-дому и сказалъ Петрови, що его выкинули изъ гимназіи, то Петро, не надумуючись, сказалъ: — Ты зрадникъ русского народа, и котюзѣ по заслузѣ. Ты не хотѣлъ мене слухати, ты отрекся отъ русской народности, то тѣмъ самымъ ты отрекся и отъ мене, бо я Русинъ съ дѣда и прадѣда. Коли я боролся на войнѣ съ Италией и мы потрафили отобрати 13 неприятельскихъ арматъ, то насъ назвали русскими героями. Тогда не было ни слыху про украинцівъ. Отожъ коли ты украинець, то ты не мой сынъ и выносятся менѣ изъ хаты — я зрадника въ хатѣ не потерплю.

Юрко не малъ, що дальше говорити, только выйшолъ изъ хаты и пойшолъ до мѣста межи своихъ радикаловъ. А Петро принялъ зятя и жилъ съ зятемъ и донькою, но сердце болѣло его, що выховался зрадникъ изъ его дитины.

Юрко сталъ у адвоката за писаря и дальше гралъ мазепинство. Коли Австрія почала войну съ Сербією, а за Сербією стала Россія, то тогда почалась страшна гонитьба за русскими людъми. Каждый мазепинець сталъ въ ряды жандармовъ и доносчиковъ. Не отсталъ и Юрко, а сейчасъ сдѣлался заѣлымъ австріяцкимъ патріотомъ и провадилъ жандармовъ до каждого, о которомъ зналъ, що онъ русскій. Всего выдалъ въ руки жандармовъ около 60 человекъ. Не пощадилъ онъ и своего родного батька.

Одного погодного дня — а было то въ субботу передъ полуднемъ, Петро привезъ съ поля жито и дивится — а у него на подворью стоятъ поручикъ, два жандармы, два вояки и сынъ Юрко. Петро съ слугою заѣхалъ на подворье, привиталъ непрошенныхъ гостей и хотѣлъ заѣхати до стодолы, но поручикъ сказалъ ему сейчасъ слѣзти съ воза и взялъ его до коморы, где была шафа съ книжками. Тутъ поручикъ приказалъ ему отворити шафу, а такъ прикликалъ Юрка и сказалъ, щобы подивился за русскими книжками. Юрко взялъ до рукъ пару книжекъ и заявилъ, що то всѣ московскіи книжки.

Петра сковали сейчасъ к забрали съ собою. Олена и донька сомлѣли. Слуга отлил ихъ водою. Жандармы съ поручикомъ и Юркомъ пошли до Ивана, но Ивана уже не было дома — онъ былъ покликанный до войска и раненько выѣхалъ до Коломбы. На другой день и Юрка покликали до войска. Онъ своей природы не измѣнилъ, а якъ только могъ, такъ шкодилъ русскимъ. Будучи капралемъ онъ ходилъ помежи вояковъ и шпионовалъ, кто «москвофиль». Такъ за его поводомъ было арестовано и розстрѣляно нѣсколько вояковъ. Но неолонга его послали на фронтъ подъ Черновцы. Тамъ въ бою съ русскими онъ былъ тяжко раненъ: стратилъ обѣ ноги и одну руку. Обѣ ноги урвало ему ниже колѣнъ. Коли русскіи натиснули, австріяки не мали часу собрати раненыхъ, и Юрка нашли на полѣ русскіи санитары. Разомъ съ другими ранеными его послали въ Кіевъ до шпиталю. Тутъ коло раненыхъ ходили старанно. Юрко позналъ, свою страшну ошибку, позналъ, що профессеры, которы учили его обѣ украинствѣ, говорили ему ложь про русскій народъ. Теперъ онъ почалъ жаловати, що выдалъ батька австріякамъ, но было запоздно. Сумлѣнье не давало ему покоя, и не было у него спокойного сна. Все ему снилось, що переглядае книжки съ поручникомъ въ коморѣ батька, що видитъ разстрѣлы невинныхъ вояковъ. Юрко срывался со сну и уже не спалъ всю ночь.

Коли война скончилась, Юрка привезли до села, до батьковой хаты. Старого Петра не было дома. Якъ его взяли жандармы изъ села, такъ пропалъ безъ вѣсти. Дармо просилъ Юрко свою маму и сестру, щобы съ нимъ заговорили; они отвернулись отъ калѣки. Оленка только сказала ему: «Будь проклятый, здраднику — ты убійца своего отца!»

Одного дня Юрко полѣзъ надъ рѣку, котора плыла недалеко, бо всего полъ-километра отъ Петровой хаты. Юрко, подпираючися рукою, доползъ на задѣ надъ берегъ Черемоша. Берегъ былъ высокій на якихъ три сажни. Юрко сѣлъ надъ тою скалою, щось собѣ подумалъ и перевернулся внизъ въ шумны волны Черемоша.

Недалеко того мѣсяца бавились дѣти. Они видѣли, якъ Юрко покотился въ воду, и заразы побѣгли до Петровой хаты и сказали, що Юрко упалъ въ воду. Заразы побѣгъ съ ними къ рѣкѣ слуга, но Юрка уже по видно было. А было то передъ заходомъ солнца, и пока нашли человекъ, который бы пошукалъ въ водѣ за тѣломъ, настала темна ночь. Чорны хмары затягнули небо, а громаы давали

знати, що скоро буде грозна буря. Такъ мусѣли оставити утопленника въ рѣкѣ до рана. Ночью въ горахъ Карпатахъ выпалъ сильный дождь, такъ що Черешощъ поднялся на одинъ и полъ сажня. Бурлива вода гнала и несла съ собою все, що попало. Понесло и Юрка, Богъ знае куда. Пропалъ онъ безъ слѣду.

За Юркомъ никто въ селѣ не жаловалъ. Но за Петромъ жалѣють всѣ, такъ якъ Петро не одну слезу обтеръ бѣдному. Но найбільше жалѣлъ за Петромъ Иванъ, которому Петро откупилъ и подаровалъ отцовскій маєтокъ.

Недолга послѣ того, якъ утопився Юрко, умерла Олена. Она не знала веселости съ того дня, якъ забрали ея мужа. Передъ самой смертю она сказала до доньки Анны: «Я бы просила тебе, щобы ты послала челоуѣка за священникомъ, бо я хочу исповѣдатися, такъ якъ сегодня буду умирати. И закличь сестру Марію, щобы была при моей смерти».

Анна расплакалась, но послала сейчасъ мужа по священника, а сама побѣгла до сестры. Прійшла въ хату сестра Марія, а скоро за ней прійшолъ и священникъ и исповѣдалъ Олену. Почули сосѣди, що Олена хоче умирати и посходились, щобы съ ней розпроцатись. Всѣ плакали, що Олена ихъ оставяе.

Олена сама убралася въ смертельну одежду, котору сама собѣ ушила. Потомъ сѣла на постели и сказала, щобы одна донька сѣла по одномъ боцѣ, а друга по другомъ. Тогда сказала до нихъ и до всѣхъ присутныхъ: «Дѣтоньки мои, будьте добры и йдѣтъ слѣдами Вашего тата и мамы. Не чинѣтъ никому кривды, лучше перенесѣтъ кривду отъ другихъ Я сегодня васъ оставлю, жійте по христіански, помагайте одни другимъ, бо того требуетъ наша христіанска вѣра и русска честь. Учѣтъ своихъ дѣтей любви до своего народа, бо велика заслуга передъ Богомъ, кто любитъ свой народъ. Кто любитъ свой народъ, свою вѣру, тотъ любитъ Бога, а кто зраджуе свой народъ, тотъ и Бога зраджуе, и горе тому челоуѣку».

По тѣхъ словахъ Олена тяжело вздохнула и оперлася тяжело на плечи своей доньки Анны. Анна хотѣла ее поднята руками, но Олена уже не могла проговорити ни слова. Священникъ подошолъ къ ней и, дотронувшись ея руки, сказалъ: «Она уже упокоилась», а потомъ обернувшись до людей сказалъ: «Дѣйстно, Олена есть счастлива, бо только люди чисты сердцемъ такъ спокойно умирають».

Всѣ присутны помолились за упокой души покойной. Въ недѣлю послѣ обѣда отбылись похороны, и цѣле село прійшло отдати послѣдню услугу, а наветъ изъ доокрестныхъ селъ поприходили люде, такъ що за домовиною ишло свыше тысячи людей.

Такъ закончилось житъя праведниковъ, и только одинъ сынъ пропалъ безчестно. А вы, дорогіи читатели, читайте и своихъ дѣтей учѣтъ, щобы юбилп свою Мать Русь и щобы не было больше пропавшихъ сыновъ на русской землѣ.

ВАСИЛІЙ Н. ПЕЦЕЙЧУКЪ

-----ооОоо-----